

© 1996 г. Х. АНДЕРСЕН

ВЗГЛЯД НА СЛАВЯНСКУЮ ПРАРОДИНУ: ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОЛОГИИ И КУЛЬТУРЕ (I)

Этимологическое исследование названий 'серой куропатки', 'рябчика' и 'белой куропатки' показывает, что семантические изменения в терминологии природной среды могут отражать как перемещения населения из одной экологической зоны в другую, так и изменения в самой природной среде, производимые человеком. Оно обнаруживает свидетельства постепенного выделения в северо-западной ветви индоевропейского кельтского, германского, балтийского и славянского, а также еще одной языковой группы, которая в дальнейшем могла быть поглощена другими. Оно проливает свет на религиозное значение диких птиц семейства куриных в эпоху до появления домашней курицы и, шире, на интегрированность природы в доисторическую культуру, а также способствует идентификации отдельных культурных ареалов древней Европы.

ВВЕДЕНИЕ

Этимологическая интерпретация традиционных славянских названий рябчика и куропатки представляет ряд проблем как со стороны содержания, так и со стороны выражения.

Этимологи реконструируют в позднеобщеславянском два названия для рябчика (*Bonasa bonasia*) — **jerǫbъ* и **lěščarъka* — и два для куропатки (*Perdix perdix*) — **jerǫbъ* и **kuropъty*¹ — и таким образом допускают существование двух случаев синонимии, каждый из которых требует объяснения, и одного случая полисемии — общее название для рябчика и куропатки, что также нуждается в объяснении.

Более того, оба названия куропатки — **jerǫbъ* и **kuropъty* — демонстрируют в славянских языках и диалектах столь значительную степень вариативности, что проблематичной оказывается сама возможность реконструкции соответствующих славянских протоформ.

В данной статье делается попытка ответить на наиболее очевидные вопросы, связанные с интерпретацией этих двух названий птиц, с которыми славяне имели дело на протяжении тысячелетий². Сначала я рассмотрю эти названия в относительно неглу-

¹ Ср. [Miklosich 1970(1886), s.v.: SP, 6: 133—139, s.v. **erǫbica*; ЭССЯ, 1: 73—76, s.v. **arǫbica*; 14: 262, s.v. **kuropъty* и 15: 127—128, s.v. **lěščarъka*]. Каждый из этих этимонов демонстрирует в позднеобщеславянский период значительное диалектное варьирование. Там, где речь не идет специально о фонологическом составе вариантов, я говорю просто о позднеобщеслав. **jerǫbъ*, **kuropъty* и **lěščarъka*.

² Рябчик и куропатка относятся к отряду птиц, классу куриных.

Рябчик (англ. *hazel grouse*) принадлежит к семейству тетеревиных (*Tetraonidae*), к которому относятся также белая куропатка *Lagopus lagopus* (англ. *willow grouse*), тетерев *Tetrao tetrix* (англ. *black grouse* или *heath cock*) и глухарь *Tetrao urogallus* (англ. *capercaille*). В Польше и Белоруссии северноевропейский рябчик *Bonasa bonasia* приобрел черты западноевропейского подвида *Bonasa bonasia rupestris*. Заметим, что в Великобритании термином *grouse* чаще всего обозначается шотландская куропатка, местный подвид белой куропатки (*Lagopus lagopus scoticus*); см. далее раздел 3.

Серая куропатка (англ. *partridge*) принадлежит к семейству фазанов (*Phasianidae*), включающему также

бокой, общеславянской перспективе (разделы 1.1—1.3), попробовав интерпретировать их синонимические и омонимические отношения исходя из того, что известно о географическом распространении рябчика и куропатки в Восточной Европе в настоящее время и в прошлом и что предполагается относительно территории, которую славяне занимали в недавней праистории. После этого я обращаюсь к древнейшей праистории позднеобщеславянского **jerǫbъ* 'куропатка' или 'рябчик' и его производных, которые необходимо рассмотреть в соотношении с соответствующим германским и, особенно, балтийским материалом (раздел 2), а затем — к происхождению другого названия куропатки — **kuropty* (раздел 3). Результаты этих этимологических разысканий резюмируются в разделах 2.3.4 и 3.5. Существенные для данной работы историко-экологическая и историко-культурная перспективы характеризуются соответственно в разделах 4 и 5. Основные выводы работы подведены в заключительном разделе 6³.

1. ЭКОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПРАИСТОРИЯ

1.1. Две пары синонимов для 'рябчика' и 'куропатки'

Начнем с того, что отметим различие в степени морфологической прозрачности позднеобщеслав. **lěščarъka* 'рябчик' и **kuropty* 'куропатка', с одной стороны, и **jerǫbъ* 'рябчик, куропатка' — с другой. И **lěščarъka*, и **kuropty* — прозрачные образования, которые до сих пор, в их современных формах сохраняют для знакомого с их денотатами носителя языка свою мотивированность. **Jerǫbъ*, между тем, название затемненное.

Позднеобщеслав. **lěšč-ar-ъk-a* 'рябчик' — производное от **lěščarъ* 'орешник, лещина', которое в свою очередь произведено от **lěska* (лесной орех). Название, таким образом выражает связь между ореховым кустарником и рябчиком, использующим зимой побеги, почки и сережки орешника *Corylus avellana*, а весной — листья [Cramp 1980: 387]. Это делает заросли орешника часто посещаемыми рябчиком, что составляет характерную примету поведения этой довольно скрытной птицы, относительно легко наблюдаемую и отраженную в ряде языковых традиций, в частности, в англ. *hasel grouse*, *hasel hen*, нем. *Haselhuhn* (см. подробнее в разделе 5).

Образования на **ъk-a* были высокопродуктивны в позднеобщеславянской эпоху, вытеснив до некоторой степени более ранние формы (напр., позднеобщеслав. **gor-ic-a* > **gor-ъk-a*, **rěč-ic-a* > *rěč-ъk-a*, см. [Аванесов 1968]). Поэтому позднеобщеслав. **lěšč-ar-ъk-a* может быть как обновленной формой старого слова, так и недавним образованием. Думаю, что Трубачев прав, склоняясь в пользу второй возможности [ЭССЯ, 14: 262]; ср. раздел 1.3.

другие виды куропаток, такие как красная каменная куропатка *Alectoris rufa* и каменная куропатка (кеклик) *Alectoris graeca*, с альпийской разновидностью *Alectoris graeca saxatilis*. На Балканском полуострове рефлекс позднеобщеслав. **jerǫbъ* обозначают в основном разновидности *Alectoris graeca*. К этому семейству относятся также перепелка *Coturnix coturnix*, несколько видов фазанов и кустарниковая курица *Gallus gallus*, от которой происходит домашняя курица *Gallus domesticus*.

Рябчик *Bonasa bonasia* ранее обозначался в научной классификации как *Tetrao* (или *Tetrastes*) *bonasia*. Греч. *tetrao* означает 'тетерев'; греч. *βόναος* является названием 'европейского бизона, зубра *Bos bonasus*'. Характеристика рябчика как 'бизоновидного' мотивирована угрожающей позой птицы, в которой "перья на голове приподняты, маховые перья первого порядка опущены, хвост распушен и перья в целом напряжены, что делает птицу с виду более крупной, чем обычно" [Cramp 1980: 288, с иллюстрацией].

³ Я признателен коллегам, ознакомившимся с черновым вариантом статьи и сделавшим свои замечания: И. Гуткин, помогавший мне советами и справками по русскому фольклору; Вяч. Иванову, обратившему мое внимание на литературные сказки Ремизова об изобретательной курочке Рябке в книге "Шакал. Сказ кабилский", основанной на кабилских (берберских) народных сказках, впервые опубликованной в 1923 и 1924 гг. [Ремизов 1994: 124—127, 271]; Т. Ляхнович, поделившийся со мной своей версией русской народной сказки "Курочка ряба"; и Б. Вайн, чьи критические замечания по ряду этимологий были для меня весьма полезны. Никто из них ни в коей мере не несет ответственности за недостатки работы.

Названия 'куропатки' и 'рябчика' в славянских литературных языках⁴

Зап.-слав.

Вост.-слав.

'куропатка'

'рябчик'

'куропатка'

'рябчик'

Польск.
Н.-луж.
В.-луж.
Чеш.
Слвц.

kuropatwa
kurowta
kurowta
koroptev
jarabica

jarzabek
jeřehek
wjerjabka
jeřábek
jarjabok
horný

Русск
Блр.
Укр.

kuropátka
курапатка
куріпка

рябчик
рябчык
рябчик

Юж.-слав.

'куропатка'

'рябчик'

'куропатка'

'рябчик'

Словен.
Сербохорв.

jerebica
jarëbica

lěščarka
ljëštårka

Болг.
Макед.

яребица
яребица

л'вица
леиштарка

Рефлексы позднеобщеслав. **lěščarъka* известны исключительно в южнославянских языках; ср. схему 1.

Реконструируемое позднеобщеслав. **kuropъty* представляет собой прозрачное сложение. Его вторым и главным компонентом является родовое обозначение птицы, выступающее в позднеобщеслав. **ръta*, **ръt-ica*, **ръt-ъka*, **ръt-акъ*, **ръt-аснъ* (напр., ст.-сл. *пѣта*, русск. *птица*, диал. *потка*, чешск. *ptak*, польск. стар. *ptach*). Первый, атрибутивный компонент **kuropъty* отражает очевидную характеристику куропатки — ее общее сходство с домашней курицей *Gallus domesticus*, позднеобщеслав. **kurъ* 'петух', *kura* 'курица'. Общее значение сложения должно быть, очевидно, 'куриная птица' [ЭССЯ. 15: 127]; см., однако, ниже раздел 3⁵.

Заметим, что рефлексы **kuropъty* засвидетельствованы почти исключительно в севернославянских языках (см. схему 1). Отдельные исключения в словенском и сербскохорватском обсуждаются в разделе 3.

В отличие от позднеобщеслав. **lěščarъka* и **kuropъty*, происхождение позднеобщеслав. **jerebъ* оказывается затемненным, и, хотя этимологами предлагались разные варианты членения его на префикс и корень или корень и суффикс (см. раздел 2.1.0), никому так и не удалось приписать какое-либо специальное и при этом убедительное содержание этим гипотетическим компонентам. Разумеется, затемненность названия — еще не свидетельство его изначальной немотивированности. Она означает лишь, что мотивировка не может быть усмотрена без дополнительной информации, синхронно недоступной носителем языка.

Различие в степени прозрачности рассмотренных слов вероятнее всего указывает на разницу в возрасте: синхронно мотивированные термины **lěščarъka* и **kuropъty* этимологически моложе не имеющего одной очевидной мотивировки **jerebъ*. Соотнеся

⁴ Используемые сокращения соответствуют принятым в ЭССЯ. Некоторые ключевые термины, называющие доисторические состояния славянского, поясняются в списке 10.

⁵ Некоторые исследователи (ср. [ЭССЯ, loc. cit.]) предполагали наличие в **kur-* также звукоподражательного элемента. Это кажется маловероятным. Обычный крик куропатки — 'высокое, скрипучее, режущее ухо 'кии-вит' или 'керт-чип', сопровождаемое при взлете или в минуту опасности быстрым кудахтаньем'. В одном или двух из восьми функционально различающихся звуков, издаваемых куропаткой (например, подозрительном бормочущем 'кута-кут-кут-кут' или похожем на голубиное воркование, обращенном к цыплятам) можно различить акустические компоненты, напоминающие позднеобщеслав. **kurъ*, но они едва ли являются достаточно отчетливыми чертами звукового поведения птицы, чтобы мотивировать ее название. Кроме того, до монофтонгизации дифтонгов ок. 500 г. н.э. позднеобщеслав. **kur* звучало как общеслав. **kaur*; ср. [Shevelov 1965: 278]; о звуках, издаваемых куропаткой см. [Cramp 1980: 493]. См. далее раздел 3.

это различие с географическим распределением **lěščarъka* и **kuropъty*, отраженным на схеме 1, можно прийти к заключению, что славяне, заселившие Балканский п-ов и Венгерскую равнину, располагали названием куропатки и создали новое слово **lěščarъka* для обозначения рябчика; между тем, западные и восточные славяне, имея старое название для рябчика, образовали неологизм **kuropъty*, назвав таким образом куропатку.

Этот вывод влечет за собой постановку стержневого вопроса, до сих пор не затрагивавшегося славянской этимологией: как могло случиться, что позднеобщеслав. **jerębъ* стало в разных частях славянского мира обозначением двух таких разных видов птиц, как куропатка и рябчик.

Порядок рассмотрения этого вопроса зависит от того, что предполагается в качестве первоначального значения позднеобщеслав. **jerębъ*: 1) 'куропатка', 2) 'рябчик' или 3) что-либо иное. Как станет ясно из дальнейшего, сравнительные данные, как и собственно славянские, свидетельствуют, что исходным было значение 'рябчик'. Пока же примем эту логическую возможность в качестве рабочей гипотезы и посмотрим, каким образом мог произойти семантический сдвиг, изменивший значение позднеобщеслав. **jerębъ* с 'рябчик' на 'куропатка'.

1.2. Рябчик и куропатка

С экологической точки зрения, рябчик и куропатка находятся в строго дополнительном распределении.

Рябчик — лесная птица. Он обитает

“исключительно в обширных нетронутых лесах, преимущественно хвойных, но также смешанных и даже полностью лиственных. Предпочитает старый древостой с плотным пологом высоких деревьев, таких как пихта *Picea*, ель *Abies*, лиственница *Larix*, однако с обильной примесью меньших пород — ольхи *Alnus*, березы *Betula* — на полянах, прогалинах и лесных опушках. Держится болотистых мест, ручьев и речных долин, с обильным подлеском” [Cramp 1980: 385].

Рябчик — не перелетная птица; ведет оседлую жизнь и “является, вероятно, наименее подвижным из европейских тетеревиных. Отмечаются небольшие сезонные перемещения в связи с изменением состава кормов, с некоторым сдвигом осенью из сосновых лесов в березовые и ольховые”. Однако среднее перемещение вторично обнаруженных окольцованных птиц в Швеции и Финляндии составило всего 1,2 км. “В СССР отмечена склонность к большей подвижности у самок и молодых особей, но и при этом более 90% вторично обнаруженных птиц встретились в пределах 500 м от места кольцевания” [Cramp 1980: 386].

Куропатка, напротив, птица степная,

“сугубо наземная птица, предпочитающая непрерывный травяной покров, желательнее не превышающий ее собственного роста, окаймленный или перемежаемый более высоким и плотным покровом в виде полесазитных полос, окраин леса или грубой травы и кустарника, используемого для укрытия и устройства гнезда. Ищет прямого доступа к голой, желательнее пыльной земле, вспаханной или находящейся под паром, или дюнам. На западе палеарктического пояса (в сев. Евразии) практически все земли, подходящие под данное описание, в течение длительного времени возделывались, в связи с чем куропатка стала их постоянным обитателем. В отличие от других видов, обитающих в открытом ландшафте, встречается обычно в пределах не более нескольких сот метров от относительного высокого и плотного покрова, играющего большую роль в гнездовании” [Cramp 1980: 487].

Подобно рябчику, куропатка — оседлая птица и ведет почти сидячий образ жизни. “Перемещения локального характера наблюдаются в феврале, когда выводки разбиваются на пары, занимающие свои территории”. Данные исследований, проводившихся в Дании и Чехословакии, демонстрируют локальный характер перемещений: 95% (из 220) resp. 93% (из 378) вторично обнаруженных окольцованных птиц встре-

тились в пределах 5 км от места окольцовки и только 1,4% resp. 3,2% — более чем в 10 км. [Cramp 1980: 489].

Ареалы рябчика и куропатки полностью укладываются в соответствующие экологические ниши, и судьба их в Европе исторически переплетена с распространением сельского хозяйства.

Рябчик “весьма чувствителен к нарушению среды обитания или ее деградации. Плохо переносит чрезмерное беспокойство и преследование, несмотря на свою способность незаметно скрываться. В свое время ареал рябчика в Северной Европе доходил на западе по крайней мере до Любека, где рябчик был документально зафиксирован в 1483 г. Теперь его западная граница проходит приблизительно между Одером и Вислой” [Løppenthin 1964: 243]⁶. На Украине и в южной России рябчик встречался на залеженных участках лесостепи еще в середине XVIII в., но теперь его ареал не распространяется на юг за пределы лесной зоны [Yeatman 1971: 160, с картой; Cramp 1980: 387]. Однако и в пределах этого сузившегося ареала подходящая для рябчика среда обитания значительно сократилась. Так, например, лесной покров Белоруссии, который в естественном состоянии должен был занимать 80% всей территории, составлял в 1840 г. 45,6%, в 1887 36,6%, а в 1914 28,4% (см. [Долбик 1974: 256]; для более позднего времени надежные цифры отсутствуют).

Куропатка, напротив, на протяжении столетий расширила свой ареал. Абсолютно не адаптирующаяся к жизни в лесу, и потому неспособная использовать небольшие прогалины, временно создававшиеся земледельцами эпохи неолита и поздней бронзы [Løppenthin 1967: 245], она в более позднее время оказалась, однако, в состоянии, благодаря своей способности к небольшим перемещениям, продвигнуться далеко на север Европы, по мере того как рост человеческого населения и развитие сельского хозяйства в эпоху железа шаг за шагом осваивали новый ландшафт, обращая прежние леса в культивированную степь [Cramp 1980: 487; Долбик 1974: 274—275 (особ.)]. Прогрессировавшее, особенно в течение последних столетий, обезлесение и увеличение размеров полей, вызванное в последнее время механизацией сельского хозяйства, значительно расширили ареал куропатки, хотя и непропорционально численности вида: поскольку для гнездования и укрытия куропатке необходима близость плотного покрова, она избегает больших открытых пространств [Долбик 1974: 276]. Расширение ареала изменило до некоторой степени и поведение куропатки. Ведущая в западных районах (Украина, Белоруссия, Ленинградская область и прилегающие районы) в основном оседлый образ жизни, куропатка, однако, кокует зимой, “приближается к деревьям, осваивая кустарник, особенно ивовый, и в целом — запущенный деревенский ландшафт. В центральной и восточной России миграция куропатки начинается, когда глубина снежного покрова достигает 50—60 см и более” [Cramp 1980: 489].

Так обстоит дело теперь. Между тем в эпоху до начала бурного роста сельского хозяйства в Восточной Европе, наметившегося в первые столетия новой эры, ареалы рябчика и куропатки соотносились как масло и вода. Они тесно переплетались, не перекрываясь, там, где зона лесов на юге переходила в лесостепь.

1.3. Смена экологии и экологические изменения

Очевидно, что приведенные факты, характеризующие среду обитания рябчика и куропатки, существенны для решения поставленного выше стержневого вопроса: каким образом одно и то же слово стало в разных позднеобщеславянских диалектах обозначением рябчика и куропатки.

Соответствие между лексикой и экологической средой может быть изменено двумя способами: 1) носители языка могут переместиться из одной экологической зоны в другую; 2) могут измениться определенные характеристики самой экологической

⁶ Я не располагаю сведениями о присутствии рябчика на Британских островах. Предположительно он был искоренен в Англии в средние века вследствие общего обезлесения. Английские термины *hazel grouse* и *hazel hen* являются кальками с немецкого, засвидетельствованными лишь с XVII в. (ср. [OED, s.vv.]).

зоны, в пределах которой распространен язык. Имея в виду обе эти возможности, для семантического сдвига позднеобшеслав. **jereǫbъ* от значения 'рябчик' к значению 'куропатка' и создания новых слов **lěščarъka* 'рябчик' и **kuropъty* 'куропатка' можно предложить следующее объяснение.

А. Население, говорившее на общеславянском языке, жило некогда исключительно в пределах лесной зоны Восточной Европы. В его языке имелось традиционное название для рябчика (**jereǫbъ*), но не было слова для куропатки.

В.1. Определенная группа этого населения (S), жившая, вероятно, на южной окраине лесной зоны, в процессе колонизации прилегающих районов степи все более ориентировалась в сторону степного ландшафта. Традиционное название рябчика было ею перенесено на куропатку; это был мотивированный метафорический перенос значения, поскольку, с человеческой точки зрения, обе птицы довольно схожи, как по форме и размерам, так и в утилитарном отношении. В степной зоне усвоенное название рябчика **jereǫbъ* могло быть перенесено на куропатку без риска нежелательной омонимии, поскольку рябчик в степи не водится.

В.2. Другая группа (N) того же населения, жившая, вероятно, в южной полосе лесной зоны, возможно — в лесистых частях лесостепи, расширила свою территорию, включив в нее участки степного ландшафта. Она сохранила традиционное название рябчика (**jereǫbъ*), но, познакомившись с куропаткой, создало для обозначения ее новую лексему: **kuropъty*; или, возможно, этим знакомством был вызван метонимический перенос значения общего термина ('куриная птица') и закрепление за ним более специального значения 'куропатка'⁷.

С.1. В эпоху территориальной экспансии славян группа S играла главную роль в колонизации Балканского п-ва. Она принесла с собой название куропатки (**jereǫbъ*), а встретив в лесах Балкан рябчика, создала для него новое слово: **lěščarъka*.

С.2. С момента появления в языке группы N термина **kuropъty* 'куропатка' распространение сельского хозяйства на территориях, ранее относившихся к лесной зоне, а также растущая потребность все увеличивающегося человеческого населения в топливе и лесоматериалах, вызвали глубокие экологические изменения, позволившие куропатке распространить свой ареал к северу. По мере освоения земель и продвижения куропатки на север, в том же направлении распространялось и слово **kuropъty*, или, во всяком случае, условно отождествляемые с ним образования, использовавшиеся как обозначения куропатки.

Предложенная гипотетическая схема должна быть сразу же дополнена несколькими деталями.

Во-первых, относительно гипотезы С-1 необходимо добавить, что колонизовавшие Балканский п-ов группы славяноязычного населения включали и выходцев из группы N. На это указывает наличие современных продолжений позднеобшеслав. **kuropъty* в сербскохорватских источниках (см. раздел 3.1). Кроме того, в словенском представлены вероятные рефлексы позднеобшеслав. **kuropъty*: диал. *kurnprat*, стар. *kornbrat*, со значением 'вальдшнеп *Scolopax rusticola*'. Эти данные позволяют предполагать, что в прошлом рефлексы позднеобшеслав. **kuropъty* были шире представлены в славянских языках Балкан и что нынешнее полное или почти полное господство рефлексов **jereǫbъ* в значении 'куропатка' является во многих случаях результатом локальных процессов лексического обобщения⁸.

⁷ Существует еще и третья логическая возможность, а именно что **kuropъty* было традиционным названием другого вида, впоследствии (метафорически) перенесенным на (серую) куропатку. Эта возможность исследуется мною в разделе 3.

⁸ В некоторых сербскохорватских диалектах рефлексы позднеобшеслав. **jereǫbъ* используются в значении 'рябчик *Bonasa bonasia*', по крайней мере, в сочетании *šumska jarebica* (буквально 'лесной рябчик'), которому может противопоставляться *poljska jarebica* (буквально 'полевой рябчик') '*Perdix perdix*' (ср. [SP, 6: 133]).

Следует заметить также, что лужицкие земли к северу от водораздела Рудных гор в современной Восточной Германии были отчасти колонизованы славянами, мигрировавшими сюда с Венгерской равнины через Чешский бассейн и долину Эльбы. Но частично также славянскими поселенцами, пришедшими с востока и северо-востока. Поэтому неясно, были ли занесены нижнелужицкие рефлексы позднеобшеслав. **kuropty* с юга или же с (северо)-востока (см. карты древних перемещений серболужичан в [Schuster-Šewc 1987: 158, Баран 1991: 78]).

Во-вторых, в то время как в словенском позднеобшеслав. **kuropty* изменило значение на 'вальдшнеп', *Scolopax rusticola*, в восточнославянском регионе его рефлексy используются в равной степени как названия птиц, обозначаемых в стандартной русской терминологии как белая куропатка (*Lagopus lagopus*) и серая куропатка (*Perdix perdix*). В народном употреблении, однако, данное различие часто не проводится. Для сельского жителя в этом нет необходимости, поскольку ареалы двух птиц пересекаются лишь незначительно: белая куропатка живет на болотах, тогда как серая тяготеет к культурному ландшафту. В русской лексикографии, этимологии и диалектологии не уделяется особого внимания различию между этими двумя видами⁹. Однако, как мы увидим ниже, имеются определенные основания различать их, по крайней мере обсуждая происхождение рефлексов **kuropty*.

2. ЭТИМОЛОГИЯ И МИФОЛОГИЯ

2.1. Рябчик

Как уже говорилось, имеются как внутренние, так и сравнительные данные, свидетельствующие, что более ранним значением позднеобшеслав. **jerǣbь* было 'рябчик', а не 'куропатка'.

К числу сравнительных свидетельств относится то обстоятельство, что значение 'рябчик' присуще и соответствующим балтийским и германским лексемам. Этот факт нуждается в определенном осмыслении, поскольку обычно предполагается, что индоевропейские предки славян, балтов и германцев первоначально жили в степи и лишь впоследствии колонизовали лесную зону. Это могло бы означать, что в более отдаленном прошлом **jerǣbь* было обозначением куропатки. По этой причине я осторожно говорю о "более раннем значении позднеобшеслав. **jerǣbь*", применительно к периоду, предшествующему тому состоянию, когда слово стало в разных славянских диалектах называть разных птиц.

Внутренним свидетельством того, что более ранним было значение 'рябчик', является семантическая связь между позднеобшеслав. **jerǣbь* и его первичными дериватами, образующими небольшое гнездо слов, восходящих, по всей вероятности, к глубокой древности. Именно оно будет в первую очередь предметом нашего внимания, хотя в ряде моментов нам придется обращаться и к сравнительной перспективе.

⁹ Словарь Ожегова (1989) дает единственное определение куропатки ("дикая птица из сем. куриных"). Четырехтомный академический словарь также дает только одно определение ("дикая птица отряда куриных"), иллюстрируя употребление лексемы сочетаниями "Серая куропатка. Белая куропатка", никак не поясняя, что эти сочетания называют разных птиц [СРЯ, s.v. куропатка]. 17-томный академический словарь дает ту же дефиницию, что и словарь Ожегова, приводит два литературных примера, но не указывает, названием какого вида служит лексема [ССРЛЯ, s.v. куропатка]. У Даля, напротив, куропатка определена как "известная дичь, птица из куриного рода *Perdix cinerea*. Куропатка белая *Tetrao lagopus*, белая тетерка" [Даль 1989 (1902), s.v. курь]. В Общеславянском диалектном атласе [Аванесов 1988: 70—71, карта 23] лексемы, соответствующие русск. лит. куропатка, отмечены на всей основной территории распространения русского языка, вплоть до Белого моря — то есть далеко за пределами ареала серой куропатки — без уточнений, какую птицу в каком пункте обозначает данный термин, и даже без намека на то, что он может называть разных птиц. Так же поступают и авторы Словаря русских народных говоров [СРНГ, 14: 365, s.v. *куропат*; 16: 140, s.v. *куропатка*].

2.2. Позднеобщеслав. **jeřebъ* ‘рябчик’

Этимологи-слависты единодушны в признании сходства между общеславянскими лексемами со значением ‘рябчик’, ‘рябина’, *Sorbus aucuparia* и ‘рябой’, демонстрируемого, помимо соответствующих русских слов, также, например, слвц. *jarabica* ‘куропатка’, *jarabina* ‘рябина’ и *jarabý* ‘рябой’. Однако относительно происхождения этого сходства согласие отсутствует, как нет и убедительного объяснения для семантического соотношения трех этимонов. Одновременно на уровне выражения разными исследователями совершенно по-разному анализируется позднеобщеслав. **jeřebъ*. Например, Славский реконструирует общеславянские варианты **ěřeb-*, **ereb-*, **oreb-* и **reḡb-*, образованные при помощи назального инфикса (с неопределенным значением) от протоевропейских вариантов **ērēb(h)-*, **ōrōb(h)-* — гипотетического прилагательного с реконструируемым значением ‘темнокрасный, коричневатый, особенно применительно к птицам’ [SP, 6: 138; ср. Pokorny 1959: 334]. Трубочев, отмечая, что семантическая гетерогенность “в общем характерна для всего данного семейства слов”, возводит их все к позднеобщеслав. прилагательному *(*a*)-*reḡb* ‘рябой’ (со свободно опускаемым префиксом неопределенного содержания) [ЭССЯ, 1: 74 и далее].

Три этимона и в самом деле представляют довольно сложную для интерпретации картину, однако, к счастью, не полностью безнадежную, особенно если выйти за пределы поверхностной реконструкции позднеобщеславянского состояния, учитывая некоторые архаические формы, допускающие плодотворное сопоставление с балтийским материалом¹⁰.

Семантически эти три этимона могут быть наиболее адекватно истолкованы как основное слово ‘рябчик’ с двумя его дериватами — ‘рябина’ (первоначально буквально ‘рябчиковая ягода’), см. раздел 2.2.2, и ‘рябой’ (буквально ‘рябчиковый’, ср. англ. *pie* ‘пирог’, ср.-англ. *pie* ‘сорока’), см. раздел 2.2.3. Соответствующие современные формы

Таблица 1

Протославянские варианты основ, выступающие в современных названиях ‘рябчика’, ‘рябины’ и ‘рябого’, и их протобалтийские соответствия

ПРОТОСЛАВЯНСКИЙ

I. Простая основа

II. Осложненная основа

A. Полная ступень
B. Нулевая ступень

ĖRB-
ĪRB-

ERIMB-
RIMB-

ПРОТОБАЛТИЙСКИЙ

I. Простая основа

II. Осложненная основа

A. Полная ступень
B. Нулевая ступень

ĖRB-
ĪRB-

ERUMB-
RUMB-

¹⁰ Говоря о доисторическом развитии славянского, я использую следующие термины и понятия: “праславянский” (период, предшествующий формированию всех основных славянских языковых черт), “общеславянский” (период между окончательным оформлением определяющих черт славянского и падением редуцированных), “позднеобщеславянский” (период между качественной дифференциацией долгих и кратких гласных и падением редуцированных). Позднеобщеславянский — стадия, традиционно фиксируемая пособиями по сравнительно-историческому языкознанию и этимологическими словарями. Формы, представляющие различные региональные варианты позднеобщеславянского обозначаются как пражукраинские, прасловенские и т.д., или просто диалектные (позднеобщеслав. диал., позднеобщеслав. сев. диал. и т.д.). В некоторых случаях я ссылаюсь на “раннеобщеславянский”, раннюю стадию с системой гласных, сходной с протославянской.

Реконструируемые формы обозначаются как протославянские и записываются капитально без астериска; хронологическая глубина таких реконструкций в принципе характеризуется неопределенно: (ср. [Andersen 1986; 1996, разделы 9.1—9.2]).

Такие термины, как “пробалтийский” и “протобалтийский”, имеют содержание, аналогичное соответствующим терминам для славянского.

базируются на четырех различных протославянских вариантах корня или основы (см. табл. 1), имеющих точные соответствия в балтийских языках.

Вариант I-A выступает в лит. диал. *jerb-ė, ierb-ė* 'куропатка' (протобалт. *ĒRB-*); I-B — в лит. диал. *irb-ė* 'куропатка', лтш. *iřb-e* 'рябчик, куропатка' (протобалт. *ĪRB-*); вариант II-A представлен в лит. *jerumb-ė*, лтш. диал. *i(e)rub-e* 'рябчик' (протобалт. *ERUMB-*), а II-B соответствует лтш. *rub-enis* 'тетерев, *Tetrao tetrix*' (протобалт. *RUMB-*); это вторичное образование первоначально означало 'рябчиковая птица' (см. [Endzelin 1923: 220]); см. подробнее ниже, раздел 2.3.3.

2.2.1. Названия рябчика

Славянское название рябчика может быть предположительно возведено к протоиндоевропейскому корневому существительному с традиционными ступенями аблаута (см. варианты I-A, I-B в табл. 1); см. ниже разделы 2.4, 2.5.1. Различные индоевропейские диалекты избрали тот или иной вариант для образования *i*-основы мужского рода [см. SP, 6: 138] со значением 'самец рябчика'; для обозначения самки рябчика использовалась, как можно предполагать, женская *i*-основа (индоевропейское *-ih₂-*). Современные славянские диалекты практически все содержат свидетельства существования противопоставленных сложных основ на *-i* и *-ī* (ср. табл. 1, II-A, II-B); см. раздел 2.3.3. От существительных с этими основами были в позднеобщеславянском образованы деминутивы соответственно на **-ьць* и **ića* (в протославянском — суффиксы *-КА-* и *-КА-*, впоследствии подвергшиеся третьей палатализации заднеязычных), а от деминутива мужского рода, по диалектам, еще и вторичный деминутив на **-ьѣкъ* (или с его позднейшим рефлексом). Позднеобщеслав. деминутивы на **-ьць* и **-ića* были впоследствии обновлены с использованием более продуктивных позднеобщеслав. суффиксов **-ькъ* resp. **-ька* или их рефлексов (ср. [Аванесов 1968]). Также по диалектам встречаются образования с рефлексами позднеслав. **-itjъ* (регулярного в отчествах) и **-iža*, соответственно мужского и женского рода. См. ниже табл. 2.

В приводимых ниже примерах [1] соответствует значению 'рябчик', [2] — значению 'куропатка'.

Вариант основы I-B представлен в болг. диал. *ėrbica* [2]¹¹.

Вариант II-B отчетливо просматривается в таких примерах, как словен диал. *rėb* [2], *rehica* [2] русск. стар. *рябь* [1], диал. *рябец* [1], *рябѣк* [1], русск. *рябчик* [1], русск. *рябушка* [1].

Остальные формы отражают вариант основы II-A. Он выступает с рефлексами древнейшего (домиграционного периода) диалектного общеславянского перехода начального **e-* > **a-* (традиционно понимаемого как переход **je-* в **o-*), откуда позднеобщеслав. диал. **orėbъ, *orėhica, *orėbьць, *orėbькъ, *orėbька*, как в сербохорв. чак. *ōrėb*, диал. *orėhica* [1, 2]; укр. *орябець* [1], карпатск. диал. *ōрябка* [2], блр. диал. *ōраб, арабѣк, брабка* [1], рус. стар. *орябь* [2], диал. *орябка* [1] (ср. [Andersen 1996, разделы 7.20—7.21]). В остальном материале данный вариант основы либо выступает с регулярным общеславянским протетическим *j-* перед **e-* (позднеобщеслав. диал.

¹¹ Возможно, что этот явно изолированный рефлекс варианта основы I-B, болг. *ėrbica*, есть результат фонетического изменения раннего **ėrbica*, с рефлексом варианта основы II-A. Однако данными, которые бы подтверждали это, я не располагаю. О других образованиях на базе варианта основы I-B см. раздел 2.1.2.

Материал, приводимый в этом и двух последующих разделах, представлен в таблицах 2 и 3. В таблицах формы, взятые из [SP], никак не помечены; словенские, сербохорватские, украинские и русские формы с индексом *a* взяты соответственно из работ [Bezla 1976; Skok 1971—1974; Мельничук 1982; Черных 1993]. Несколько форм, добавленных из работы [Popowska-Taborska 1984], помечены индексом *b*.

Славянские названия 'рябчика' и 'куропатки' (источники см. в сноске 11)

Простая основа

общеслав.

īrbi-

I-B. ĪRB-

общеслав.

*īrbi-*1. позднеобщеслав. **īrbīca*болг. диал. *ērbīca*^b

Осложненная основа

II-A. ERIMB-

общеслав.

rimbi-

позднеобщеслав.

II-B. RIMB-

*rimbi-**erimbi-**erimbi-*2. **jerębъ*

польск. стар.

jarzqb

н.-луж.

*jerjab, jerjeb,*диал. *heřeb*

в.-луж.

*jerjab.*стар. *jerob*

чеш. стар.

jeřáb (также'журавль *Grus**cinerea*')

словц. диал.

jarab 'журавль'словен. *jerčb,*диал. *jarčb*

сербохорв. чак.

*ōrčb, jēreb,*диал. *jārčb, jāreb,*стар. *jarębъ*блр. диал. *ōrab*

русс. стар.

*орябъ, ерябъ,*русс. ц.-сл. *ѡрябъ*6. **jerębъсь*н.-луж. *heřabъ*^b

сербохорв. диал.

jarėbac

укр. диал.

ōрябець^b*ярубец*8. **jerębъкъ*

кашуб.

jarzębk 'тетерев'

польск. диал.

*jerzqbek**jarzqbek*н.-луж. *jerjebk,**heřebk*чеш. *jeřábek*

словц. диал.

*jariabok*3. **jerębīca*

чеш. диал.

jařabice

словц.

jarabica

словен.

jerebīca,

диал.

jarebīca

сербохорв. чак.

*orebīca,*диал. *orėbīca,**jerėbīca**jarėbīca*макед. *еребица,*диал. *яребица*болг. *ēребица,*диал. *ēрėмбица,**яребица, ярембица*русс. *ерябица*^b9. **jerębъka*

польск. диал.

jarębka 'рябая

курица'

в.-луж. *wjerjabka*словц. *jarabka*укр. *ōрябка*

блр. диал.

ōрабка^b

русс. диал.

орябка^a7. **rębъсь*

сербохорв. диал.

rėbāc^aукр. *рябєць*^bрусс. *рябець*^b10. **rębъкъ*русс. *рябок*^b

укр. диал.
ôrybok
 блр. *apabók^b*
 11. **jerębitjъ*
 слов. диал.
jerębic^b
jarabic^b

12. **rębyčikъ*
 русск. *рябчик*
 блр. *рабчык*
 укр. *рябчик*

13. **rębiša*
 сербохорв.
rebiša^a
 русск. *рябушка^a*

**jerębъ*, **jerębiča*, **jerębъčъ*, **jerębъčъkъ*, **jerębitjъ*, откуда н.-луж. *jerjab*, в.-луж. *jerjeb*, словен. *jerēb* [1], [2], *jerębiča* [2], сербохорв. *jerēbiča* [2], болг. *јеребица* [2], *јерембица* [2], макед. *еребица* [2] (с вторичной утратой *j-*), польск. диал. *jerzqbek* [1], чеш. *jeřábek* [1], слов. диал. *jerębic* [2], русск. стар. *ерябъ* [2?], диал. *ерябица*, либо с той же протезой и нерегулярным рефлексом гласного, вызванного диалектным позднеобщеслав. изменением **je-* > **ja-* (позднеобщеслав. **jařbъ*, **jařbiča*, **jařbъčъ*, **jařbъčъkъ*, **jařbitjъ*, откуда польск. стар. *jarzq^b* [1], слов. *jarabica* [2], *jarabok* [1], *jarabka* [1], диал. *jarabic*, словен. диал. *jařbiča* [1], сербохорв. диал. *jařēb* [2], диал. *jařēbiča* [2], макед. диал. *јаребица* [2], болг. *ја̀ребица* [2]¹².

2.2.2. Названия 'рябины'

Славянские названия 'рябины', *Sorbus aucuparia*, за немногими исключениями, образованы при помощи одного из стандартных деривационных суффиксов, выступающих в названиях ягод, позднеобщеслав. *-ina или *-ika (протослав. ĒIN-Ā-, ĒIK-Ā-).

Вариант основы I-A без обычного суффикса выступает в укр. диал. *piба* [ср. [Мельничук 1982, s.v. *gorobúna*] (< позднеобщеслав. **ręba* < общеслав. **ēr̥b-ā-* < протослав. ĒRB-Ā-); мы вернемся к этому вопросу в разделе 2.3.2.

Вариант основы I-B выступает в кашуб. сев. диал. *jerzba* (протослав. ĪRB-Ā-) и, с 'ягодным суффиксом', в кашуб. *jerzbina* (< пракашуб. **jiřbina* > протослав. ĪRB-ĒINĀ) (ср. [Wajda-Adamczykowa 1989: 32—34]), в.-луж. диал. *jerbina*, словен. диал. *rbika* (теперь в значении 'ежевика') (< прасловен. *řbika* < протослав. ĪRB-ĒIKĀ-); со вторичным *ja-* в кашуб. *jarzbina*.

¹² В позднепраславянский период имели место нерегулярные локальные изменения *je-* > *ja-*, затронувшие лексемы с начальным протослав. *Ē-*, с чем связано sporadическое совпадение современных рефлексов начальных протослав. *Ē-*, *Ē-* и *Ā-*: во многих местах формы с начальным *ja-* выступают параллельно с формами с начальным *je-*; ср. [Shevelov 1965: 177]. Вот некоторые примеры, укр. *ялі́на* 'пихта' (позднеобщеслав. **jedlъ*), польск. диал., чеш. диал., слов. *jalec*, сербохорв. диал. *jdac*, укр. *jaléc* 'елец *Leuciscus l.*' (позднеобщеслав. **jelъčъ*), польск. стар., диал. *jadēn* 'один' (позднеобщеслав. **jedinъ*), польск. диал. слов. диал., сербохорв. *jalito*, укр. *ялі́тй* 'кишка' (позднеобщеслав. **jelito*), польск. диал. *jamioła*, чеш. диал. *jamela*, слов. диал. *jamelo*, *jamola* 'омела *Viscum album*' (позднеобщеслав. **jemelo*), польск. диал. *jasień*, слов. зап. диал. *jasej*, болг. диал. *јасен* 'осень' (позднеобщеслав. **jesenъ*), польск. стар. *jasiotr*, укр. диал. *я́сє́тр* 'осетр *Acipenser sturio*' (позднеобщеслав. **jesetrъ*), слов. *jazero*, укр. ю.-зап. диал. *язер* 'озеро' (позднеобщеслав. **jezero*). Все эти лексемы широко представлены и с рефлексамися начального позднеобщеслав. **je-*. В прежних исследованиях варианты с *ja-* рассматривались как рефлексы протослав. *Ē-* или *Ā-*. Однако учитывая неустойчивость начального *ja-* в славянском, являющуюся следствием этих позднейших региональных изменений, не имеет смысла реконструировать разнообразные протославянские варианты таких лексем, особенно когда оба варианта, с *je-* и с *ja-*, характеризуются одними и теми же акцентными свойствами, что относится ко всем этим лексемам и к рефлексам протослав. ERIMB-. Иначе обстоит дело с несколькими лексемами, у которых различие в начальных гласных коррелирует с разницей в просодии; ср. сербохорв. *jāsēn*, русск. *я́сень* (позднеобщеслав. **jasenъ*, протослав. ĀSENA-, ср. лит. *įsionis*) // польск. *jesion*, словен. *jesēn* (позднеобщеслав. **jesenъ*, протослав. ESENA-), представляющие и-е. **h_xeh₃-s-en-*, **h_xh₃-es-en-*; ср. [Schrijver 1991: 77—78; Andersen 1996, раздел 5.1.3]. См. также сноску 25.

Вариант основы II-A с рефлексом праславянского перехода **e- > *a-* позднеобщеслав. диал. **orębina*, **orebika* < протослав. ERIMB-ĚINĀ, -ĚIKĀ-) представлен в польск. диал. *orzebina*, блр. *арабіна*, укр. диал. *орябина*, литерат. *горобі́на* (с протетическим *z-*, по ассимиляции с *горобѣць* 'воробей') и, возможно, словен. диал. *ohrika* (если данное слово, как предполагает Безлай [Bezlej] 1976: 227], восходит к контактированному **orbika*, из **orebika* x *rbika*). В остальных случаях выступает вариант основы II-A с регулярным протетическим *j-* (позднеобщеслав. диал. **jerebina*, **jerebika*), например, польск. диал. *jerzebina*, н.-луж. *jerjebina*, в.-луж. диал. *jerjabina*, словц. *jerabina*, словен. *jerebika*, диал. *jerebina*, блр. *ярабіна*; в некоторых языках и диалектах с нерегулярным рефлексом общеслав. **e-* в виде *ja-* (позднеобщеслав. диал. **jarebina*), например, польск. *jarzebina*, н.-луж. диал. *jařebina*, чеш. диал. *jařabina*, словц. *jarabina* (также сербохорв. *jarèbina*, усвоенное из польского как ботанический термин).

Вариант II-B обнаруживается в словен. диал. *rebika*, сербохорв. *rebika*, рус. диал. *рябі́ка*, *рябі́на*, блр. *рабі́на*, укр. диал. *рабі́на* (< позднеобщеслав. **rębina*, протослав. RIMB-ĚIN-Ā, -ĚIK-Ā). См. табл. 3.

Таблица 3

Варианты основы славянских названий 'рябины *Sorbus aucuparia*' и 'рябоя' (источники см. в списке 10)

‘РЯБИНА’

общеслав.

**ęrh-*

**ırh-*

**erimb-*

**rimb-*

позднеобщеслав.

**rębina*

**jrbina*

**erębina*

**rębika*

укр. диал.
рі́ба

кашуб.
jerzbina^b
jarzbina
в.-луж. диал.
jerzbina^b
словен. диал.
rbika

польск. диал.
orębina
jerzebina,
jarzebina
н.-луж.
jerjebina,
jarjebina
в.-луж. диал.
jerjabina,
herjebina
чеш. *jařabina*,
диал. *jařabina*
словц. *jarabina*
словен. *jerebika*,
диал. *jerebina*
укр. *горобі́на*,
диал. *орябі́на*,
яребі́на
блр. *арабі́на*
ярабі́на

словен. диал.
rebika
сербохорв.
rebika
укр. *рябі́на*
блр. *рабі́на*
русс. *рябі́на*
диал. *рябі́ка*

‘РЯБОЙ’

общеслав.

**erimba-*

**rimba-*

позднеобщеслав.

**erębъ*

**rębъ*

чеш. диал.
jařabŭ
словц. *jarabŭ*

укр. *рябі́й*
блр. *рабі́й*
русс. *рябі́й*

Для славянских языков обычно, что названия ягод являются одновременно и названиями соответствующих растений, например, рус. *малина* (ягода и кустарник); при необходимости специальные значения выражаются на уровне фразы, например, русск. *ягоды малины* или *малиновые ягоды*, *куст малины*. Это в целом справедливо и относительно ягод и дерева рябины, однако в некоторых случаях (особенно в западно-славянских диалектах) в качестве специального обозначения дерева закрепилось обратное образование от названия ягоды, например, польск. *jarzqb*, н.-луж. *jerjehk*, чеш. *jeřáb*, словц. *jerab*, укр. диал. *о́раб* 'дерево рябины'; (ср. [Machek 1954: 114–115; Wajda-Adamczykova 1989: 32–34]). Эти вторичные образования, нами не рассматриваемые, необходимо отличать от приведенных выше лексем со значением 'рябчик', как и от дериватов прилагательного 'рябой', приводимых в следующем разделе.

2.2.3. Названия 'рябого'

Славянское название 'рябого' представляет собой (говоря в индоевропейских терминах) прилагательное с основой на **o-lā-*, засвидетельствованное с вариантом основы II-A (позднеобщеслав. диал. **jarębъ*) в чеш. диал. *jařaby*, словц. *jaraby* (где выступает протетический *j-* с нерегулярным рефлексом начального общеслав. **e-*, уже отмечавшимся в двух предыдущих разделах), и с вариантом II-B (позднеобщеслав. **rębъ*) в русск. *рябо́й*, блр. *рабы́*, укр. *рябий*¹³. В категориях позднеобщеславянского представленный здесь способ словообразования может быть определен как конверсия (т.е. изменение класса основы без помощи аффикса); в качестве параллели может служить, например, **golqb-ъ* 'голубой' от **golqb-ь* 'голубь' (ср. ниже раздел 2.5.3). В некоторых западно- и южнославянских языках прилагательное 'рябой' выступает в обновленной форме, в виде построенных на той же основе дериватов с такими продуктивными позднеобщеславянскими суффиксами, как **-at-* (польск. *jarzębaty*, диал. *jarzqbaty*, *jarzębiaty*, кашуб. *jarzqbaty*, *jarzqbъ ati*, н.-луж. *jerjehaty*, диал. *heřehaty*, в.-луж. стар. *jarabaty*, диал. *jarjehaty*, чеш. *jeřabatý*, диал. *jařabatý*, словц. *jarabatý*, болг. *яребат*), **-ast-* (польск. диал. *jarzębiasty*) или **-it-* (чеш. диал. *jařambity*).

Позднеобщеслав. прилагательное **jerębъ*, **rębъ* 'рябой, пестрый' послужило основой для вторичных производных, например, укр. *рябо́к* 'пятно, веснушка', *рябе́ць* 'коршун, гончая', также '(пестрая) форель'. Отметим также русск. *рябь* – синхронно такой же конверсив от *ряб-ой*, как *глубь* от *глуб-ок-ий*, *тишь* от *тих-ий* и т.д.

2.2.4. Обобщение

Предложенный обзор материала показывает, что в то время как лексемы со значениями 'куропатка, рябчик', с одной стороны, и 'рябина' – с другой, засвидетельствованы как с простым, так и с осложненным вариантами основы (I и II), лексемы со значением 'рябой, пестрый' засвидетельствованы исключительно с осложненным вариантом (II), ср. табл. 4. В этом различии естественно видеть проявление того, что термины, называющие 'рябчика' и 'рябину', этимологически старше обозначения 'рябого'. О том же свидетельствуют и сравнительные данные, а именно, что 1) славянский разделяет название 'рябчика' с (восточно)балтийским и германским, 2) значение 'рябина' связывается с данным корнем в славянском и части восточно-балтийского, в то время как 3) значение 'рябой' засвидетельствовано для него только

¹³ Значения 'рябой' и 'веснушчатый', а также 'пятнистый' обычны для современных употреблений данного прилагательного. Поскольку крапинки могут быть разных оттенков одного тона или разных тонов, современные рефлексy поднеобщеслав. **jerębъ*, **rębъ* в некоторых языках и диалектах могут означать также 'пестрый, разноцветный', значение, традиционно выражаемое рефлексами поднеобщеслав. **rystъ*. Для простоты я ограничиваю пояснение поднеобщеслав. **jerębъ*, **rębъ* предположительно основным и первоначальным значением 'рябой'.

Распределение четырех протославянских вариантов основы (табл. 1) в современных рефлексах трех славянских лексем

	I-A	I-B	II-A	II-B
‘рябчик, куропатка’		+	+	+
‘рябина’	+	+	+	+
‘рябой’			+	+

в славянском (ср. раздел 2.2.4, 2.5.3). Все эти факты указывают на то, что именно название птицы возглавляет все рассматриваемое семейство слов, и являются сильным аргументом против попыток этимологизировать три лексемы на основе адъективного значения, будь то ‘рябой, пестрый’ или ‘темнокрасный, коричневый’.

2.3. ‘Рябчик’ и ‘рябина’: семантическая мотивировка

Заключение, что основным в рассматриваемой семье слов является название птицы – ‘рябчика’ или ‘куропатки’, тогда как название ‘рябины’ и прилагательное ‘рябой, пестрый’ производны от него, закономерно следует из проведенного в предыдущих разделах словообразовательно-морфологического анализа. Это внутреннее структурное свидетельство до сих пор не было должным образом учтено и никак не повлияло на согласное мнение этимологов, принимающих за основное адъективное значение ‘рябой, пестрый’ или ‘темнокрасный, коричневый’.

Без морфологического анализа спорить с этой общераспространенной гипотезой было бы трудно. Единственное, на что можно было бы указать, это то, что оперение четырех из пяти видов птиц умеренной лесной зоны имеет нерегулярную расцветку: пятнистую, крапчатую, рябую, полосатую, в точках, извилинах и т.д., с разнообразием оттенков от коричневого, бронзового и светложелтого до темножелтого, каштанового, красно-коричневого, рыжего, цвета ржавчины и буйволовой кожи и т.д., что делает предполагаемое определение рябчика или куропатки как ‘рябой’ птицы обладающим довольно сомнительной описательной силой.

Однако в виду большего этимологического возраста названия птицы, доказываемого внутренними свидетельствами, обобщенными в табл. 4, и сравнительных данных, приведенных в конце раздела 2.2.4, кажется достаточно правдоподобным, что прилагательное со значением ‘рябой’ было образовано от названия рябой птицы. Отмеченное выше англ. *pied* ‘пестрый’ из ср.-англ. *pie* (франц. *pie*) ‘сорока’ – лишь один из множества примеров из разных языков, свидетельствующих, что для прилагательных, обозначающих качества, воспринимаемые органами чувств и в особенности зрительно, вполне обычным является происхождение от названий объектов, обладающих этими качествами (ср. также русск. *голубь* – *голубой*, *корица* – *коричневый*, *роза* – *розовый*, *ворон* – *вороной*, *каштан* – *каштановый*, *малина* – *малиновый*, или такие англ. прилагательные, обозначающие цвета, как *buff* ‘цвета буйволовой кожи’, *burgundy* ‘бордовый, цвета красного вина’, *cream* ‘кремовый’, *ox-blood* ‘цвета бычьей крови’, *peach* ‘персиковый’, *rust* ‘цвета ржавчины’, *salmon* ‘цвета семги, оранжево-розовый’, *violet* ‘фиалковый (фиолетовый)’).

Относительно рябины, *Sorbus aucuparia* Славский сочувственно ссылается на предполагаемый Мошинским семантический переход от ‘темнокрасного, коричневого, особенно применительно к птицам и деревьям’, к названию ‘дерева рябины’: “Наиболее правдоподобное...объяснение...связывает его с видом рябиновых деревьев в пору созревания их ярко красных ягод (особенно осенью, когда огненные ягоды горят и мерцают на фоне редющей и коричневеющей листвы)” [SP, 6:135]. Несомненная риторическая весомость этого объяснения ослабевает, однако, ввиду отсутствия свидетельств первичности прилагательного (ср. раздел 2.2.4), не говоря уже о свидетельствах существования в индоевропейских диалектах – предках

германского, балтийского и славянского – прилагательного со столь специфическим значением.

Вывявив словообразовательно-морфологические отношения, указывающие на производность названия 'рябины' от названия 'рябчика' и 'куропатки', мы должны теперь объяснить семантическую мотивировку этой связи. Для этого необходимо ответить на два вопроса: 1) что сделало рябчика (или куропатку) подходящей мотивировкой для создания нового названия рябины (раздел 2.3.1) и 2) почему в языке возникла необходимость создания для обозначения рябины нового слова (раздел 2.3.2).

2.3.1. Почему рябчик?

Замечательно, что во всех славянских языках название 'рябины' произведено от позднеобщеслав. **jergъbъ*, независимо от того, названием какой птицы служат рефлексy этого слова. Это может означать лишь одно: название рябины появилось до того, как у **jergъbъ* развились два отдельных значения 'рябчик' и 'куропатка'.

Рябина является важным компонентом смешанных широколиственно-хвойных или полностью широколиственных лесов, составляющих среду обитания рябчика¹⁴. Как правило, наряду с другими малыми породами деревьев – жостером, орешником, ивой, можжевельником – она образует подлесок под елью, дубом и ольхой [Долбик 1974: 115, 122 и сл.]. Известно, что осенью ягоды рябины являются одним из кормов рябчика [Cramp 1980: 387]. В новое время, когда столь значительная часть лесной зоны обращена в культивированную степь – а рябина широко распространилась как декоративное дерево – самых разных птиц открытого ландшафта можно увидеть кормящимися в ее кроне осенью в пору созревания ягод¹⁵. Однако в доисторическую эпоху, когда была создана эта славянская лексема, экология лесной зоны оставалась еще в основном нетронутой, так что естественная практическая ассоциация между рябчиком и рябиной вполне могла быть достаточно сильна и хорошо ощутима, чтобы мотивировать создание нового названия.

Характерно, что между рябиной и куропаткой подобной ассоциации не прослеживается. Осенью рацион куропатки включает три категории кормов: зеленые листья травы (*Graminae*); 2) злаки и клевер (напр., *Trifolium*); 3) семена хлебных злаков и сорняков, особенно горца (*Polygonum*) с преобладанием семян сорняков [Cramp 1980: 490]. Куропатка ищет корм исключительно на земле и не интересуется ягодами. Это – важное "энциклопедическое" свидетельство того, что первоначальным значением позднеобщеслав. **jergъbъ* не могло быть 'куропатка'. Куропатка никогда бы не могла составить мотивацию для создания названия рябины.

И все же не один лишь факт, что рябчик питается ягодами рябины, определил значение этой ассоциации. Рябина – лишь одно из целого ряда растений, используемых рябчиком осенью¹⁶. Конечно, рябчик – одна из наиболее крупных птиц, кормящихся в

¹⁴ "Рябина относится к роду *Sorbus*, семейству *Rosaceae*, отряду *Rosales*. (Американская рябина имеет название *Sorbus americana*.) Листовое дерево, цветет плоскими гроздьями белых цветов, сменяющихся оранжевыми или огненно красными плодами, из-за которых дерево широко культивируется как декоративное. Вязнушие мясистые ягоды широко используются в народной медицине" [NCE, s.v. *mountain ash*].

¹⁵ В русском языке одна из таких птиц открытого ландшафта. *Turdus pilaris*, из-за устойчивой ассоциации с рябиной носит в настоящее время название *рябинник*. Первоначально – птица средних и высоких широт, предпочитающая открытую местность и поросшие травой края болот, – рябинник начиная со второй половины XVIII в., широко распространился к югу повсюду в Европе, занимая огромные территории, открываемые сельским хозяйством [Cramp 1988: 979–980], ср. также [Радзивицкие 1987].

¹⁶ Другими являются "черника *Vaccinium myrtillus*, брусника *V. vitis-idaea*, клюква *V. oxycoccos*, водяника черная *Empetrum nigrum*, красная смородина *Ribes rubrum*, ландыш майский *Convallaria majalis*, соломонова печать *Polygonatum*, омела *Viscum album*, белладонна, красавка *Atropa belladonna*, *Fragaria vesca*, рябина мушкетерская *Sorbus aria*, морошка *Rubus chamaemorus*, костяника каменистая *R. saxatilis*, *R. idaeus*, куманика, ежевика несская *R. fruticosus*, боярышник *Crataegus monogyna*, терновник *Prunus spinosa*, вишня обыкновенная *P. cerasus*, дикая вишня *P. avium*, дикая груша *Pyrus communis*, дикая яблоня *Malus sylvestris*,

кроне рябины, причем часто кормятся вместе целые стайки рябчиков, что, естественно, привлекает внимание наблюдателя как к птицам, так и к ягодам¹⁷. Не менее важно, однако, что яркокрасные ягоды рябины выделяются не только зрительно. Для тех, кто знает в них толк, они отличное лакомство, особенно, когда первые морозы проявят их сладость¹⁸. Можно думать, что и в древние времена, как и теперь, рябину собирали и сушили осенью, развешивая кисти под балками крыши или на сеновале и сохраняя их, пока это было возможно. Рябина является, таким образом, важным питательным продуктом, равно привлекательным для рябчика и человека.

Но и это не все. Далеко не случайно, что этот вид семейства *Sorbus* носит определение *aucuparia* 'птицелов'. С незапамятных времен человек мог наблюдать и использовать тот факт, что сама Природа раскладывает приманку в ветвях рябины в пору наибольшей полноты всевозможного птичьего населения, так что кажется: все, что остается птицелову – это расставить в них свои силки и ждать. Поскольку рябчик – одна из наиболее крупных птиц, питающихся рябиной, кажется вполне вероятным, что столь стоящая добыча могла послужить мотивацией для создания альтернативного названия привлекающих ее ягод.

Впрочем, отсутствия прямых подтверждений того, что древние славяне действительно добывали рябчика таким образом, заставляет с большой осторожностью проецировать в отдаленное прошлое такого рода практические соображения – они в конечном счете в основном, если не полностью, вытекают из культурно обусловленного представления о здравом смысле, которое у наших предков могло и отличаться от нашего. Не исключено, что ягоды рябины получили названия 'рябчиковых' не потому, что рябчик питается ими, и не из-за своей роли как приманки для рябчика: могли существовать и другие отношения, способные мотивировать данное производное. Возможно, рябина могла рассматриваться как прерогатива или как законная добыча рябчика. Замечательно, что в разных местах белорусского Полесья как ягоды, так и дерево рябины (одинаково обозначаемое рефлексом позднеобшеслав. диал. **orġhina*, **rġhina*, см. раздел 2.2.2) были эксплицитно защищены рядом табу; ср. (1).

- (1) "Нельзя рубить деревьев рябины, поскольку птицы осенью кормятся в их ветвях" [Lettenbauer 1981: 114]. "Рябина мстит: если кто-то ломает ее, или обрубит ветки, то сам он или кто-то из его близких скоро умрет" [Там же: 113]. "Никогда нельзя рубить рябиновых деревьев, поскольку это большой грех. Всякий, кто срубил рябину, умрет преждевременной и внезапной смертью" [Там же: 114]; (ср. [Moszyński 1967: 524]).

2.3.2. "Небесная" рябина

Этимологизация лексического неологизма часто не идет дальше предложения для него правдоподобной семантической мотивировки; вопрос, что определило потребность в инновации, остается при этом без ответа, а иногда даже и не ставится. В случае с рябиной этимологи до сих пор поступали именно таким образом, как если бы это название было первоначальным, созданным в ходе первичного называния объектов природной среды.

Однако словообразовательная структура позднеобшеслав. **jerġhina* (**rġhina*) говорит об ином. Данная лексема, наоборот, выделяется из ряда названий основных компонентов смешанного широколиственного леса – например, позднеобшеслав. **edľь*

жостер *Rhamnus catharticus*, бирючина *Ligustrum vulgare*, калина *Viburnum*, бузина *Sambucus*, орехи и семена лещины *Pinus cembra*, сосны обыкновенной *P. sylvestris*, пихты *Picea abies*, лиственницы *Larix decidua*, липы *Tilia*, клена *Acer*, граба *Carpinus betulus*, бука *Fagus sylvatica* и дуба *Quercus robur*" [Cramp 1980: 287]. Конечно, не все эти корма доступны в каждой местности.

¹⁷ "На ближнюю рябину слетелся выводок рябчиков. Птицы бойко клевали, крошили спелые ягоды" (Арамилев. В лесах Урала; цит. по [СРЯ, s.v. *рябчик*]).

¹⁸ Обусловленную содержанием сорбитола, $C_6H_8(NO)_6$, спирта, ныне широко используемого как синтетический заменитель сахара (ср. [AND, s.v.]).

'ель', **sosna* 'сосна', **el'xa* 'ольха', **berza* 'береза', **os(in)a* 'осина', **lěska* 'орешник', **iva* 'ива', **dgbť* 'дуб', **grabť* 'граб', **jasenť* 'ясень', **lipa* 'липа', **klenť* 'клен' и т.д.¹⁹ – как единственное название дерева, имеющее прозрачную структуру и мотивировку, образованное по продуктивной деривационной модели. Более того, варианты формы этой лексемы при ближайшем рассмотрении оказываются имеющими различный этимологический возраст, что отражает ее поступательное развитие во времени.

Укр. диал. *riба* (протослав. *ĒRB-Ā*), кашуб. N-диал. *jerzba* (протослав. *ĪRB-Ā*), ныне существительные женского рода, восходят, по-видимому, к древним собирательным среднего рода. Кашуб. *jerzhina*, в.-луж. *jerhina* и словен. диал. *rhika* (протослав. *ĪRB-ĒINĀ-*, *ĒIKĀ*), основанные на нулевой степени корня, содержат регулярный для славянских названий ягод суффикс и потому этимологически бесспорно моложе. Еще более новыми являются образования на базе варианта основы, названного выше осложненными (см. раздел 2.2.1), позднеобщеслав. **jerghina* и **rghina* (протослав. *ERIMB-ĒINĀ*, *RIMB-ĒINĀ*, *ĒIKĀ*). В своей совокупности эти варианты представляют картину лексического обновления, происходившего в разное время в разных протославянских и праславянских диалектах, и лишней раз заставляют задуматься о древнейшем названии рябины и причинах, по которым оно было заменено на новое.

Для истории данного слова весьма существенно, что в древние времена рябина была для человека не просто одним из деревьев леса. Хорошо известно, что среди древних индоевропейцев рябина некогда почиталась как святое дерево; так, вероятно, обстояло дело и у славян²⁰. Это заставляет учитывать, помимо охарактеризованных в разделе 2.3.1 естественных связей между рябчиком и рябиной, также возможную культурную обусловленность создания нового названия для рябины с использованием в качестве мотивировки названия рябчика.

Подходя к этой теме, следует учесть, что славянские поверья, связанные с рябиной, дошли до наших дней лишь в виде скудных фрагментов. Славяне в этом отношении отличаются от других индоевропейских народов. Достаточно вспомнить ирландскую легенду "Преследования Диармайда и Грайне", где о рябине, "живительном дереве", сказано, что ее алые плоды обладают "многочисленными достоинствами и никакая болезнь или недуг не пристанут к тому, кто съест три ягоды, ... и будь попробовавший их даже ста лет от роду, он возвратится в тридцатилетний возраст". Дерево выросло из единственной ягоды, оброненной одним из *Tuatha Dé Danann*, которые, узнав, что они нечаянно приобщили смертных к небесной и бессмертной пище, послали огромного циклопа Шарвона (*Searban Lochlannach*) стеречь дерево, чтобы никто из людей не мог вкусить его плодов" [Sheaghda 1967: 53–55, 65–71; Squire 1979: 218–219]. В сжатой форме здесь объяснено происхождение рябины, ценность ее для богов и причина запрета на употребление ее плодов. Имя Шарвона Угрюмого и его наводящий ужас взгляд могут быть интерпретированы как мифологическое объяснение вяжущего вкуса спелых ягод, еще не тронутых морозом, который истолковывается как средство защитить их от людей. Никаких сопоставимо связанных и эксплицитных свидетельств в славянском фольклоре не обнаруживается. Однако, как мы увидим, записанные славянские поверья, связанные с рябиной, обнаруживают черты сходства с распространенными среди соседних балтийских и германских народов, достаточно значительные, чтобы заключить, что дошедшие до наших дней разрозненные фрагменты некогда составляли части связной системы.

Начнем со статьи "Рябиновая ночь" белорусской этнографической энциклопедии; см. (2)

¹⁹ См., например, список общеславянских названий деревьев в [Šmilauer 1970: 18].

²⁰ «В фольклоре Старого света это дерево было одним из наиболее почитаемых. Оно охраняло от злых влияний и считалось "помощником Тора"; считалось, что кусочки древесины рябины способны отвратить практически любое несчастье» [NCE, s.v. *mountain ash*].

(2) "Рабиновая ноч, навальнічная ноч, якая абавязкова чакаецца ў канцы лета (ў спасаўку, паміж Ільей ці Барысам і велікай прачыстай або паміж вялікай і малай прачыстымі). Называлася так-сама арабінавая ноч, вераб'іная ноч. На працягу ўсёй Р.н. неба сатрасаюць грымоты, бліскаюць маланкі, лье праліўны дождж, дзьме страшэнны вецер, узнікаюць вихоры. Згодна з нар. павер'ямі [а] ў гэтую ноч з пекла на свет выходзілі ўсе злыя сілы, якія нібыта спраўлялі сваё галоўнае свята. Паводле адных меркаванняў, у Р.н. [б] розная нечысць страшыла хрышчонных людзей, паводля другіх – наадварот. [с] ўсе стыхіі прыроды ядналися, каб знішчыць нячыстую сілу, што расплазілася пасля купалля [23 июня] за лета і бясконца шкодзіла людзям. [д] Кожны забыты ці пакалечаны ў гэтую ноч перунон лічыўся нядобрым чараўніком. Каб маланка не спаліла хату ці іншыя збудаванні, у Р.н. [е] вывешвалі непамыты велікодны абрус. [ф] у некаторых мясцінах пад страху прывязвалі чырвоныя ніткі. [г]. На Палессі верылі, што ад моцнай буры ў гэтую ноч рабчыкі разляталіся па ўсім лесе і да самага такавання жылі па адхаму. [h] Лічылася, што маланіца ў Р.н. нібыта патрэбна для паспявання ягад на рабіне, калі ж ягады не спелі – чакалі благага заканчэння лета і халоднай восені" [Василевич 1989 (вставки в квадратных скобках мои – Х.А.)].

Два последних положения, (2g) и (2h), представляются данью современной натуралистической интерпретации понятия 'рябиновая ночь' и едва ли существенны для характеристики народных верований²¹. Однако предыдущие фрагменты интересны, как отражение понимания грозы, случающейся в разгар вызревания плодов, как столкновения враждебных подземных (2a, 2b) и небесных (2c) сил, в котором человек, подверженный страшной опасности с обеих сторон, ищет защиты от беспорядочных стрел Перуна при помощи освященного полотна, сохраненного нетронутым с весеннего праздника плодородия (2e) или крашенных нитяных символов молнии (2f).

В приведенном описании отсутствуют прямые указания на то, каким образом можно защититься от сил подземного мира, но представление об этом имплицитно присутствует в самом термине "рябиновая ночь": в эту ночь защита приходит от рябинового прута: эта эмблема молнии, известная также как золотая розга, является единственным оружием, способным убить черта [Афанасьев 1865–1869, 2:392]²².

Защитная, плодотворящая и целебная сила рябины лежит в основе многих верований и обрядов, засвидетельствованных в Северной Европе. "В Швеции думают, что рябиновая палка охраняет от бури на море, от колдовства и нечистых духов" [Афанасьев 1865–1869, 2:389]. "В Швеции и Вестфалии 1 мая трижды ударяют молодых коров, которые еще не телились, веткою рябины, дабы плодотворящая сила громового прута (*donnerruthe*) наполнила их сосцы молоком" [Афанасьев 1865–1869, 2:288]. В этом следует видеть отголосок представления о связи грома с созревaniem ягод рябины (ср. выше 2h). С другой стороны, в Германии и Польше в обильно уродившейся рябине видели предвестье хорошего урожая пшеницы в следующем году [HdA, s.v. *Eberesche*, 2:23–527; Lettenbauer 1981: 105].

В северной России существовало представление, что наложение ягод рябины излечивает глазную болезнь [Даль 1989 (1902), s.v. *рябый*]. В Белоруссии считалось, что ягоды рябины лечат зубную боль [Lettenbauer 1981: 95, 96]. Очистительная и целебная сила рябины отражены и в следующем русском лечебном наставлении: "сыщи рябину древо, чтобы отрастелина была от нея, да отсѣки ее, да расколи надвое, да свяжи в концах посконною ниткою, и пройди сквозь рябину трожды" [Афанасьев 1865–1869: 3.803].

Историческое соответствие этому ритуалу находится в Житии Св. Адриана Пошехонского (написанном в 1612 г.), упоминающем о поклонении рябиновому дереву в

²¹ Рябички фактически живут семейными выводками до осени, затем образуют пары и разделяют территории. "Зимой (самки) могут скитаться. Весной происходит перераспределение территорий..." [Cramp 1980: 388]. О связи грома с созревaniem ягод рябины в (h) см. ниже.

²² Даль определяет рябиновую ночь "душная, с зарницею, во время цвета рябины" [Даль 1989 (1902), s.v. *рябый*]. Фасмер [Vasmer 1955, s.v.] цитирует А. Подвысоцкого [Подвысоцкий 1885]. Это явно другое (деифологизированное) понятие. В Белоруссии рябина цветет в мае; в наиболее северных частях ее ареала, например, в Архангельской области, она цветет в июле (ср. [Hulten 1971: 277]).

связи с празднованием пятницы накануне Ильина дня (20 июля); ср. (3).

- (3) "церковный диакъ Иванъ Прокопѣвъ хожаше по вся лѣта къ Иліѣ пророку на пустошь на рѣку Ухру на усть рѣки Ушломы къ фябинѣ на ильинскую пятницу. И изо окрестныхъ весей священники прихожаху на той день и съ собою приношаху икону мученицы Парасковѣи, нареченной Пятницѣ. А изо окрестныхъ волостей и изъ градовъ многи торговые и нахотные люди въру держажу мученицъ Христовъ Парасковъ, нареченной Пятницѣ, на той день прихожаху, и молящесе мученицъ Христовъ Пятницѣ, и у рябины сквозъ сучіе проимаху дѣти малые и юнаты. А инии люди и въ совершенномъ возрастѣ проимахуся" (Соболевский 1891: 229; ср. Lettenbauer 1981: 92–93).

Здесь описано празднование одной из двенадцати пятниц, посвященных св. Параскеве, почитавшейся среди славян как христианская заместительница Живы (Фрейи)²³, богини женского здоровья и плодovitости, брака и домашнего очага, покровительницы земледелия и ремесла. Празднования св. Параскевы приурочивались к большим церковным праздникам, как в данном случае – ко дню св. пророка Ильи, христианского заместителя славянского Перуна, бога грома и дождя, огня и света, целительных сил и (мужского) плодородия [Калинский 1877 (1990): 41–48, 146–150, 213, 231; Иванов, Топоров 1974: 4–30]. Хотя речь в данном случае идет о праздновании памяти двух христианских святых, трогательное ритуальное пронесение человеческих тел сквозъ ветви рябины и помещение иконы св. Ильи на стволе дерева являются убедительными свидетельствами народной веры в особую целебную силу рябины как воплощения могущества св. Ильи (Перуна). Однако большую связность эти фрагменты славянских верований приобретают при сопоставлении с соответствующими верованиями соседних балтов, прекрасный обзор которых содержит работа [Vēlius 1989].

Религиозное значение деревьев вытекает из в целом общей для всех индоевропейских народов картины мира, представляющей его в виде трех царств: небесного, земного и подземного. Деревья естественным образом сопоставлялись всем трем царствам, так как устремлены ветвями к небу, растут на земле и уходят в нее корнями. Среди деревьев некоторые, например, лиственные, были посвящены небесным богам, хвойные – воспринимались как представляющие хтонических богов (ель, в частности, – дьявола), а стелящиеся по земле ива и ольха представляли земных божеств (фей и, отчасти, дьявола) [Vēlius 1989: 127]. Из лиственных деревьев самым священным считался дуб; за ним, судя по некоторым данным, следовала рябина. У восточных балтов оба дерева были, по-видимому, посвящены богу-громовержцу (лит. *Perkunas*, лтш. *Perkons*), чья молния воспламеняет дуб и чей символический цвет – огненно-красный – заливает осенью кисти рябины; ср. (4).

- (4) "Рябина внушает ужас злым духам (лит. *laumės*), ведьмам, колдунам и, в особенности, чертам (лит. *velniai*). Существует представление, что черта можно убить рябиновым прутом, который является надежным оберегом от черта и вообще от всех злых духов" [Vēlius 1989: 123]. "Рябиновый прут отгоняет змей, поэтому рябина использовалась в оградах, чтобы защитить от змей скот" [Vēlius 1989: 117]. "Литовские мифологические сюжеты часто включают сцены, изображающие испуг и бегство черта, побиваемого или убиваемого рябиновым прутом. Этиологические легенды поясняют, что черт боится рябинового дерева, так как не может произнести его имя (лит. *Sermūksnis*), был однажды жестоко избит рябиновым прутом и т.д. Чтобы защитить скотину от ведьм, рябиновые деревья использовались во время наиболее типичного из посвященных солнцу праздников – Ивановой ночи. Во всем этом проявляется свойственное литовской народной традиции представление о связи рябины с небесными божествами, прежде всего с солнцем, и противопоставление ее хтоническому началу" [Vēlius 1989: 123].

²³ Имя святой, греч. *παράσκειν* 'приготовление' в свою очередь калькирует еврейское (арамейское?) название пятницы, буквально 'день приготовления'. Память Св. Параскевы празднуется 28 октября, однако славянская передача ее имени как Пятница сделала святую подходящим прикрытием для сохранявшегося культа богини Живы, славянского соответствия Фрейи (ср. англ. *Friday*, буквально 'день Фрей'). До недавнего времени она оставалась наиболее почитаемой и чаще всего призываемой в молитвах святой православной России (ср. [Калинский 1877 (1990); Рыбаков 1981: 387–392]).

Как отмечает Велюс, в репертуаре литовских народных песен рябина в целом фигурирует нечасто, при этом, однако, большая часть песен, упоминающих ее, происходит с восточных территорий балтийского культурного ареала, в древности наиболее тесно соприкасавшихся с прародиной славян. На тех же территориях записано и вдвое больше этимологических легенд о страхе черта перед рябиной, чем в центральной и восточной частях Литвы [Vėlius 1989: 134]²⁴.

На этом фоне представляется вполне вероятным, что различные славянские обозначения рябины (ягод и дерева), протослав. *ĒRB-Ā, IRB-Ā, IRB-ĒINĀ, (E)RIMB-ĒINĀ*, мотивированные названием рябчика, были первоначально созданы как иноязычные для более древней лексемы (которую мы так никогда и не узнаем), и вытеснили это древнее название вследствие тенденции избегать его как слишком прямого, недостаточно почтительного для дерева, считавшегося одним из важнейших воплощений Перуна – главного небесного божества славян, бога плодородия и целительных сил, огня и света [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 798].

2.3.3. "Земной" рябчик

Зная о религиозном значении рябины, естественно задаться вопросом: не занимал ли рябчик, послуживший мотивировкой для названия рябины, сходного места в системе верований древних славян?

Никакие славянские поверья, которые бы напрямую указывали на это, мне не известны. Однако сам факт широкого лексического варьирования названий этой птицы заставляет задуматься на этот счет. Отметим для начала, что славяне располагали специальными обозначениями для самца и самки рябчика. Такая лексическая дифференциация типична для названий культурно значимых птиц и животных; применительно к птицам она теперь практически ограничена названиями домашних видов, однако обычно распространяется также и на диких птиц. Кроме того, имеется целый ряд деминутивов, проанализированных в разделе 2.2.1 и представленных в табл. 2. Никакое другое название дикой птицы не породило такого количества праславянских деминутивов. Внешне это предполагает наличие у древних славян какого-то особого расположения к рябчику. Вместе с тем, вспомнив о табу на название ягод и дерева рябины, можно предположить, что деминутивы использовались с целью добиться и удержать благосклонность птицы, связываемой с могущественными силами природы. Какой бы ни была их функция – гипокористической или эвфемистической – они не оставляют сомнения в том, что рябчик был для славян чем-то большим, чем заурядным предметом разговора.

Наиболее древним из этих деминутивных наслоений является, по-видимому, основа, названная выше в разделе 2.2.1 осложненной, протослав. *ERIBM-I, RIMB-I* (и протобалт. *ERUMB-Ē-, RUMB-Ē-*). Содержащее, по мнению некоторых исследователей, лишенный особого значения назальный инфикс (ср. раздел 2.2.1), данное образование может быть более адекватно интерпретировано в совершенно ином русле. Оно представляет, как кажется, ближайшую морфологическую параллель к греч. ἔλαφος 'лань' (и.-е. **h₁el-n-h^ho-*) и англ. *lamb* 'ягненок' (др.-в.-нем. *lembir*, др.-англ. *lamb*, прагерм. **lamb-iz*, и.-е. **h₁l-on-h^h-es*), основанную на и.-е. корне **h₃er-* 'птица', т.е. **h₃er-n-h^h-i-, h₃r-n-h^h-i-*. Если прав Вайан [Vaillant 1958: 158], это гипокористический или эвфемистический деминутив со значением 'птичка'.

²⁴ Интересен вопрос, чем был мотивирован особый статус рябины как второго по святости дерева после дуба. Возможно, здесь сыграло свою роль то, что это чрезвычайно жизнестойкое дерево встречается как спутник других, более крупных деревьев. Замечательно, что из-за своих огромных размеров, особенно старые, отдельстоящие дубы нередко служат пристанищем для рябины, растущей в развилках главных ветвей или между ветвями и стволом. Однако возможно, что эта субординация дуба и рябины есть чисто культурный феномен, результат культурного компромисса, отражающего взаимодействие индоевропейских традиций с традициями неиндоевропейского (вероятно, уральского) субстрата. Ср. раздел 5.3.

Данная реконструкция близка предложенной Вайаном этимологии позднеобшеслав. **jereǫbъ*. с той, однако, разницей, что Вайан иначе идентифицировал корень, рассматривая слово как производное от и.-е. **jēr-*, **jōr-* 'весна', что не кажется убедительным со стороны содержания. Что касается начальной гласной корня протослав. *ERIMB-I, протобалт. ERUMB-Ē-, то как в славянском, так и в балтийском начальное *e-* в соответствии с и.-е. **a-*, **o-* (**h₂e-*, *h₃e-*) выступает примерно в дюжине лексем, образованных от нескольких хорошо засвидетельствованных индоевропейских корней, среди которых и корень **h₃er-* 'птица', выступающий также в протослав. ER-IL-A // AR-IL-A, протобалт. ER-EL-IA 'орел' (ср. [Rozwadowski 1915 (1961); Andersen 1996, разделы 5.3.3–6.6])²⁵. Суффикс же **-h³o-* выступал, как можно думать, в группе *i*-основ мужского рода, обозначающих птиц и животных, например, позднеобшеслав. **žeravъ* 'журавль', **tetervъ* 'тетерев' *Tetrao tetrix**, *lahqđь* 'лебедь' *Cygnus**, **gqъь* 'гусь' *Anser** и **golqъь* 'голубь' *Columba**; имелись, вероятно, и балтийские соответствия.

Тот факт, что в славянском и балтийском представлены разные рефлексy слоогового назального (и.-е. **-ŋ-*, протослав. -IM- // протобалт. -UM-), может характеризовать данное образование как относящееся к эпохе до прото-славяно-балтийской дифтонгизации индоевропейских слоговых сонорных. Вайан связывает этот суффикс со славянским **-en-* в позднеобшеслав. диал. **mold-en-ъьь* (ст.-слав. *младеньць*, протослав. MALD-A- 'молодой'), **rbъ-en-ъьь* (русск. *птенец*, протослав. PUT-Ā- 'птица'); можно вспомнить и славянские суффиксы, образующие названия молодых животных, позднеобшеслав. **jagn-ъ*, **-et-e* 'ягненок', **pors-ъ* 'поросенок' и т.д. (протослав. -IN-T- или -EN-T-?). Однако, учитывая, что перед нами протославяно-балтийское образование, проще предположить, что реконструируемое **h₃er-ŋ-h³-i-*, **h₃r-ŋ-h³-i-* базируется непосредственно на индоевропейской *n*-основе со значением 'птица', отраженной в греч. *ὄρνις* 'птица', хетт. *haras*, *haranas*, англ. *earn* 'орел'.

Каковы бы ни были первоначальные коннотации этого иносказания – 'птичка' или просто 'птица' – замечательно, что в результате этой инновации название рябчика встало в прозрачную парадигматическую оппозицию к названию птицы, наиболее прочно ассоциируемой с небесным царством, орла (протослав. ER-IL-A // AR-IL-A, протобалт. ER-EL-IA-), имеющему в этих языках иной суффикс; (см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 537–539]). (Мы вернемся к первоначальному названию рябчика, протослав. и протобалт. ERB-, IRB-, в разделе 2.4.)

Принимая во внимание устойчивую связь между рябчиком и рябиной в доисторической культуре славян (раздел 2.3.2) и столь же древнюю традицию называния рябчика посредством деминутивов, нельзя не признать удивительным отсутствие прямых свидетельств вхождения рябчика в систему древних славянских верований. Но, с другой стороны, правомерно допустить, что рябчик, если он действительно занимал некогда важное место в этой системе, был с неизбежностью вытеснен (в его предполагаемой роли как главного в пределах славянской прародины представителя семейства куриных) домашней курицей *Gallus domesticus*, появившейся в Восточной

²⁵ Из-за своего географического распределения начальное обшеслав. **e-* в н.-луж. *herjol* 'орел' обшеслав. **a-* в других славянских языках (польск. *orzeł*, чеш. *ořel*, сербохорв. *orao*, болг. *орел*, русск. *орёл* и др.) фонологически несводимы к одной славянской праформе и предполагают протославянские варианты ERILA- // ARILA-. С другой стороны, балтийские формы (лит. *erēlis*, *arēlis*, лтш. *erģlis*, др.-прусск. *Arelie*, читается /arelis/) могут восходить к протобалт. ERELIA-. Другие лексемы с протослав. или протобалт. E- вместо и.-е. **a-*, **o-* (*h₂e-*, *h₃e-*) – протослав. ESETRA (польск. *jesiotr*), протобалт. EŠETRA- (лит. стар. *ešketras*) 'осетр', оба из и.-е. **h₂ek-* 'остроконечный'; протобалт. ELKŪNĒ (лит. диал. *elkūnė*) 'локоть' (из и.-е. **h₁h₃e-t-* 'локоть'), ср. протослав. *alkuti-* (ст.-слав. *лакѣтъ*); протослав. ESENA- // ASENA- (словен. *jesén*, русск. *ясень*), протобалт. ŪS-I- (лит. *ūsis*) 'ясень' *Fraxinus** (из и.-е. **h₁h₃es-en*, *h₁h₃es-en*); ср. подробнее [Andersen 1996, разделы 5.3.3–6.6].

Европе всего за несколько столетий до новой эры (ср. [Løppenthin 1967: 53, 556; Digard 1990])²⁶.

Введение у славян домашнего куроводства должно было явиться событием огромного экономического значения, резко ослабив в течение относительно короткого времени вековую продовольственную зависимость населения от диких птиц естественной природной среды²⁷. Значительные последствия этот исторический прорыв должен был иметь и в сфере духовной культуры. Можно полагать, что по мере утраты славянами былых связей с автохтонной орнитофауной, приходила в упадок, разрушалась и в значительной мере забывалась и система символических значений, ассоциируемых с ее компонентами. Не приходится сомневаться в том, что вместе с домашней курицей, каким бы ни был процесс распространения ее у славян, был усвоен и набор готовых символических значений, некоторые из которых могли отличаться от традиционно связывавшихся с местной орнитофауной²⁸. Но в той мере, в какой новые символические смыслы совпадали с традиционными, они могли ассимилировать их, в результате чего традиционные значения, до этого связывавшиеся с дикими птицами, сохраняли свое место в системе, будучи перенесены на домашнюю птицу – изменение, лишившее диких птиц культурной значимости. Среди этих культурных ценностей была, вероятно и явившаяся главным экономическим стимулом введения домашней курицы – ее плодovitость.

Риску высказать предположение, что на протяжении неопределенно долгого периода, пока свежие яйца не стали составным элементом питания, в ту эпоху, когда птичьи яйца появлялись лишь раз в году, и то на короткий срок, когда ежегодное добывание пасхальных яиц было серьезным предприятием, наделенным религиозным значением, славяне видели в рябчике ритуальный источник яиц для Пасхи, весеннего праздника плодородия²⁹. В культуре, в целом рассматривающей птиц как обитателей небесного царства [Vélius 1989: 97], рябчик с его скрытным поведением должен был

²⁶ Мне не известны факты, которые бы позволяли с уверенностью датировать введение домашнего куроводства у славян. Домашняя курица утвердилась в Средиземноморье задолго до 1000 г. до н.э., но в Греции она фиксируется лишь с шестого века до н.э.; ср. сноску 28. В Италию и на Сицилию курица была занесена через местные греческие колонии, и таким же образом она могла распространиться к северу через понтийские степи из греческих колоний на побережье Черного моря [Hehn 1885 (1976): 247].

Предполагается, что курица была занесена в Галлию финикийскими купцами. Распространение ее во всей Западной и Центральной Европе обычно связывается с экспансией и миграциями кельтов (ср. [Vuck 1949: 174–177]). Имеются веские археологические свидетельства присутствия кельтов в Галиции, на территории современной Западной Украины, в последние столетия до новой эры [Баран и др., 1991: 47]; это существенно, если думать, что курица была занесена к славянам с запада.

С другой стороны, в средиземноморском регионе курица была впервые занесена мидо-персидскими завоевателями. В религии зороастрийцев собака и петух были священными животными, первая – как страж дома и стад, второй – как глашатай зари и символ света и солнца. Яркие религиозно мотивированные заимствования из иранских языков в славянский, к которым относится и название собаки (позднеобщеслав. диал. **sohaka*, авест. *spaka*, мидийск. *spaka* (Геродот) [Vasmer 1955, s.v.]), позволяют предполагать, что в ходе этих культурных контактов, опосредованных скифами в 700–400-х гг. до н.э., славяне могли познакомиться и с домашней курицей.

²⁷ Это не значит, конечно, что дикие птицы не могли остаться в качестве окказионального, а для кого-то, возможно, и регулярного добавления к рациону, основанному на сельскохозяйственных продуктах. Кости некоторых видов диких птиц обнаруживаются в средневековых археологических памятниках; (ср. [Кириков 1979: 16]).

²⁸ В.Н. Топоров перечисляет весьма разнообразные символические значения, связываемые в первую очередь с петухом в различных индоевропейских и неиндоевропейских традициях [Топоров 1982: 309–311]. Некоторые из них вполне могли ассоциироваться и с самцами рябчика и других птиц класса куриных. Мы вернемся к этому вопросу в разделе 5.6.

²⁹ В других регионах древнего мира та же функция могла выполняться другими дикими птицами, о чем свидетельствует известный фриз дворца в Кноссе на Крите, датируемый ок. 1500 до н.э., изображающий куропаток вместе с крашеными полосатыми яйцами; крашеное глиняное яйцо чибиса, найденное в погребении в Фрисландии, относимом к 500 до н.э., и страусиные яйца из этрусских погребений Вульки (ср. [Newall 1971: 293–294]).

восприниматься как исключение: он частый гость в кронах деревьев и проворный, хотя и необычайно шумный летун; однако в целом рябчик – птица наземная: потревоженный, он предпочитает уходить по земле [Cramp 1980: 388] и обладает удивительной способностью бесследно исчезать в подлеске [Там же: 385]. В отличие от большинства видов птиц, подтверждающих свою близость небесам строительством гнезд в кронах деревьев, рябчик устраивает гнездо на земле, откладывая в него 7–11 хорошо замаскированных яиц³⁰. Кажется вполне вероятным, что эта "земная" птица входила в ряд парадигматических оппозиций с "небесной" рябиной – кладки яиц рябчика vs. кисти рябины; появляющиеся в начале vs. в конце вегетативного периода; откладываемые на земле vs. висящие на ветвях в воздухе. Одновременно яйцо символизирует союз между женским плодородным началом, в природе воплощенным в земле, и мужским, олицетворяемым молнией и дождем³¹.

Как уже было сказано, прямые свидетельства наделенности рябчика такими символическими значениями отсутствуют. Однако некоторые народные поверья, связанные с пасхальными яйцами, определенно выигрывают в интерпретативной глубине при таком гипотетическом прочтении и готовности допустить их восхождение ко времени до заимствования курицы как домашней птицы.

Подборка приводимых ниже (5) ритуальных предписаний распадается на несколько категорий. Одни относятся к выращиванию хлеба (5a-e), другие связаны со здоровьем людей и домашних животных (5d-h), третьи – с защитой от небесных сил (5i-k).

- (5) (a) Чтобы получить хороший урожай хлеба, нужно положить яйцо вместе с пшеничным колосом в начале первой пропаханной борозды и в конце последней (записано в Хорватии [Newall 1971: 217]);
- (b) чтобы обеспечить хороший урожай, смешивают пасхальные яйца или их скорлупки с семенами, особенно конопли [Афанасьев 1865–1869, 1:537]³²;
- (c) красное пасхальное яйцо подбрасывают высоко вверх над засеянным полем ржи, чтобы рожь так же высоко поднялась [Афанасьев 1865–1869, 1:537];
- (d) чтобы был хороший урожай меда, кладут крашеное яйцо под улей [Newall 1971: 239];
- (e) "заслышав первый весенний гром, умываются водою с красного яйца – на красоту, счастье и здоровье" [Афанасьев 1865–1869, 1:537];
- (f) крашеное пасхальное яйцо, повешенное на шею, отводит болезни и очищает отравленную кровь [Newall 1971: 255];
- (g) на Юрьев день, выгоняя скот в поле, гладят лошадей по хребту, от головы до хвоста, приговаривая: "Как яичко гладко и кругло, так моя лошадка будь и гладка и сыта" [Афанасьев 1865–1869, 2:537];
- (h) крашеное яйцо, повешенное под крышей дома или подложенное под стог сена, отвращает сильные ветры [Newall 1971: 248];
- (i) чтобы отвести град от посевов, нужно в день св. Георгия завернуть крашеное яйцо в зеленый овес и закопать на поле [Newall 1971: 248];
- (j) чтобы защитить дом от пожара, нужно бросить через него яйцо, отложенное в "зеленый четверг" и освященное на Пасху. С той же целью можно использовать громовый прут ("перунову ветку") [Афанасьев 1865–1869, 1:537].

Заметим прежде всего, что некоторые из этих ритуалов предписывают принесение яиц в жертву нижнему (5a–d) или верхнему (5e–g) миру, тогда как другие апеллируют

³⁰ "Первая кладка с конца марта... до середины мая. ... Один выводок. После утраты яиц возможны замены. Интервалы в кладке 1–2 дня. Инкубационный период 25 дней" [Cramp 1980: 389].

³¹ Для полноты картины заметим, что яйца рябчика имеют некоторое зрительное сходство с рябиной: они глянцевиые, бледно-желто-коричневого цвета, слегка покрыты красно-коричневыми пятнышками и крапинками.

³² Упоминание конопли в этом пункте, как и в описании медицинского ритуала в разделе 2.3.2, заставляет вспомнить такую особенность, как двуполое воспроизводство, сближающую это экономически важное растение с человеком. Возможно, что оно содержит намек на использование конопли *Cannabis sativa* или *indica* как наркотического средства с предполагаемыми волшебными свойствами.

к заложенной в яйцах магической силе как таковой, вне всякой жертвы. Пункты (5a-d) демонстрируют связь пасхальных яиц с плодами земли, предписывая принесение символов земного плодородия в жертву хтоническому царству, из которого произрастают злаки, в обмен на будущие возвращения. Вместе с тем специальная сила, приписываемая красному цвету (5c), может быть объяснена его связью с Перуном. То же значение может иметь и требуемая в (5c) высота броска.

Пункты (5e-g) иллюстрируют целебную силу яиц. В отдельных случаях эта сила может быть увеличена призыванием Перуна; см. особенно упоминание грозы (5e), знака его близкого присутствия, а также красного цвета, как средства призывания бога. В (5g) сила яйца увеличивается использованием ее в день св. Георгия (23 апреля), покровителя земледелия и скотоводства (греч. γεωργία 'земледелие'), традиционно изображавшегося на белом коне, поражающим дракона – воплощение сил подземного мира – и почитавшегося славянами как христианский заместитель земного бога Ярила [ср. [Иванов, Топоров 1974: 180–216]].

Сходным образом в (5i) приуроченность ритуала к Юрьеву дню призвана, очевидно, усилить способность яйца предотвратить вред, которой град может нанести посевам. Ритуал (5i) предписывает принесение в жертву яйца, обладающего особой силой, так как оно было отложено в четверг – день Перуна (англ. *Thursday* < *Thor's day*, нем. *Donners-tag*) и освящено (во имя небесного божества) – дар Земли, приносимый небесному Перуну, богу огня, как плата за его благоволение.

Принято считать, что практика красить и расписывать яйца, отнюдь не являющаяся данью прикладной эстетике, восходит к ритуальному посвящению яиц силам природы или персонифицирующим их божествам. Значение красного цвета в окраске и росписи яиц признается мастерами этого дела и по сей день: по свидетельству Афанасьева, яйца, окрашенные в красный цвет, наделены особой силой как символы здоровья и плодородия [Афанасьев 1865–1869, 1:537]; ср. также [Newall 1971: 207–231, 272]. Частая встречаемость красного цвета вместе с другими символами Перуна в ритуалах, связанных с пасхальными яйцами, позволяет считать, что красный был цветом, при помощи которого эти производимые рябчиком весенние символы плодородия посвящались небесному богу, и что этот цвет призван был обеспечить участие Перуна в исполнении всех магических функций яйца.

Важно, что эти весенние плоды Земли должны были быть приносимы в жертву присподней (5a-e) или небесам (5h-j), иначе говоря, служить целям осуществляемых человеком операций обмена, призванных обеспечить благотворное взаимодействие трех мировых царств. Учтя это, мы можем снова вернуться к образу (самки) рябчика, кормящейся в ветвях рябины (раздел 2.3.2), реконструировав культурный смысл картины, к которой отсылает приведенный выше запрет (1): земная производительница весенних пасхальных яиц получает свою долю в плодах "небесной" рябины – символический обмен, происходящий без вмешательства человека, но и зависящий от его невмешательства, чем и вызван соответствующий запрет³³.

2.3.4. Рябчик и курочка ряба

С учетом всего сказанного кажется весьма вероятным, что осложненный вариант основы названия 'рябчика', протослав. (E)RIMB-I-, протобалт. (E)RUMB-Ē (ср. раздел 2.3.3) был создан не как гипокористическое, а как эвфемистическое иносказание. То же, вероятно, относится и к более поздним напластованиям деминутивов, представленных в табл. 2.

С другой стороны, деминутивы могли быть мотивированы и просто малым размером самого референта, или же таким образом мог быть интерпретирован уже существ-

³³В порядке обратного символического обмена русские крестьяне сыпали пепел из очага (символ огня Перуна) на пол курятника, чтобы обеспечить плодovitость несушек [Калинский 1877 (1990): 226].

вующий деминутив: ведь рябчик действительно – самая маленькая из обитающих в лесной зоне птиц семейства куриных³⁴.

Здесь стоит привести латышскую этимологическую легенду, специально объясняющую малый размер рябчика. По легенде, рябчик некогда был намного больше, чем теперь. Но однажды, когда он взлетел, испугав коня проезжавшего мимо Перуна, тот поймал рябчика и в гневе стал сжимать его в кулаке, пока рябчик не сделался размером с сердце Перуна [Gatiker and Gattiker 1989: 456]; см. ниже раздел 5.4.

И последнее замечание относительно деминутивных обозначений 'рябчика'. Для славянского фольклора характерно традиционно теплое отношение к курице, сопоставимое с отношением англосаксов к своей Little Red Hen. Такое восприятие кажется совсем не мотивированным общим поведением дворовых кур, какими мы их знаем теперь, но может объясняться ролью курицы как источника пасхальных яиц, будучи таким образом первоначально мотивировано аналогичной ролью рябчика. В русской детской сказке 'курочка ряба' к радости старика и старухи сносит яичко: пробегающая мимо мышка, махнув хвостом, сталкивает его со стола, и яичко разбивается; плачущим старикам курочка обещает снести взамен другое яичко. "не простое, а золотое". Конечно, никак невозможно подтвердить, что эта сказочная формула циклического обновления старше введения у славян домашнего куроводства и первоначально имела в виду дикую птицу из семейства куриных, но именно это кажется в высшей степени правдоподобным. Несомненно значимо, что устойчивый эпитет курочки – *ряба* содержит этимологическую отсылку к названию рябчика³⁵.

2.4. Северо-западное индоевропейское **(h₁)erb-*, **(h₁)rb-* 'рябчик'.

Исходное славянское обозначение рябчика, протослав. *ĒRB-Ī-*, *ĪRB-Ī-*, является, насколько можно судить, немотивированным в рамках славянской языковой группы, но имеет точные соответствия в балтийском (протобалт. *ĒRB-Ē*, *ĪRB-Ē-*) и германском (др.-исл. *jarpi*, норв. *jerpe*, швед. *järpe* 'рябчик', прагерм. **erp-jō-*). В ряде германских языков корень выступает также в прилагательных: др.-исл. *iarpr* 'коричневый (о волосах)', др.-англ. *corp*, *earp* 'темный', др.-в.-нем. *erpf* 'то же'. Можно спорить, является ли значение 'коричневый' исходным для прагерм. **erpa-*, что предполагает большинство этимологов, или оно вторично – что мне кажется более вероятным – по отношению к основному значению 'темный' (темные волосы в Северной Европе чаще всего – коричневые)³⁶. В совокупности эти лек-

³⁴Для сравнения несколько измерений. Рябчик *Bonasa bonasia*: длина 35–37 см, хвост 9–10 см, размах крыльев 48–54 см, вес самца 360–470 г, самки 315–465 г; Белая куропатка *Lagopus lagopus*: длина 37–42 см, хвост 8–9 см, размах крыльев 55–66 см, вес самца 405–750 г., самки 405–680 г.; тетерев *Tetrao tetrix*: длина 40–55 см, хвост 12–16 см, размах крыльев 65–80 см, вес самца 1000–1465 г, самки 765–1120 г.

Соответствующие цифры для серой куропатки *Perdix perdix*: длина 29–31 см, размах крыльев 45–48 см, вес самца и самки 310–455 г.

Значительно более крупный глухарь *Tetrao urogallus*, возможно, не был известен древним славянам. Общеславянское название для него отсутствует. Глухарь обитает преимущественно в хвойных лесах на севере лесной зоны; может сезонно смещаться в смешанные лиственные леса, но является оседлой птицей и не намного более подвижен, чем рябчик. Его размеры: длина 60–87 см, хвост 19–28 см, размах крыльев 87–125 см; вес самца 3300–6500 г, самки 1500–2500 г. Ср.: [Cramp 1980, passim].

³⁵Традиционная связь между рябчиком и домашней курицей проявляется и в таких выражениях, как польск. диал. *jarabka*, слов. диал. *jarabica* 'рябая курица', т.е. буквально 'рябчиковая курица'.

³⁶Анттила замечает, что вероятные протоиндоевропейские соответствия этих германских лексем имеют значение 'темный' не в смысле цвета, а в смысле отсутствия дневного света [Anttila 1969: 112]. Ср. далее ниже.

Здесь уместно напомнить об универсально низком ранге коричневого цвета среди основных цветов: наличие в языке основного термина для 'коричневого' предполагает присутствие в нем основных терминов для черного, белого, красного, желтого, синего и зеленого (ср. [Kay, McDaniel 1978]). С диахронической точки зрения эта универсальная иерархия цветов предполагает, что прилагательные, обозначающие тона более низкого ранга с большей вероятностью могут быть новообразованиями, кальками или заимст-

семьи указывают на сев.-зап. индоевроп. $^{*}(h_1)erb-i-$, $^{*}(h_1)rb-$ 'рябчик', $^{*}(h_1)erb-o-$ 'темный'.

Этот этимон стоит сопоставить с греческим названием 'подземного мрака, области перехода между Землей и Андом', $\epsilon\rho\beta\omicron\varsigma$. Если это слово основывается на том же протоиндоевропейском корне, его содержание позволяет предположить, что первоначальным значением сев.-вост. индоевроп. $^{*}(h_1)erb-i-$, $^{*}(h_1)rb-i-$ было 'пришедший из мрака, птица мрака'. Здесь уместно напомнить об отсутствии каких-либо свидетельств семантической мотивированности протослав. $\bar{E}RB-I-$, $\bar{I}RB-I-$ и протобалт. $\bar{E}RB-\bar{E}-$, $\bar{I}RB-\bar{E}-$ в рамках славянского и балтийского (в отличие от германского, где она могла иметь место). Таким образом, предложенная в разделах 2.3.2–2.3.3 интерпретация символических отношений между рябчиком и рябиной, не зависит от этимологических связей корня, от которого образованы обе лексемы.

Другие соответствия греч. $\epsilon\rho\beta\omicron\varsigma$ 'подземный мрак' представляют санскр. $r\acute{a}jas-$ 'мгла, туман, мрак', арм. $erek$ 'вечер', гойдельск. $rigis$, исл. $r\ddot{o}kkr$ 'мрак'. Все вместе эти формы указывают на и.-е. $^{*}h_1regw-$ 'мрак, отсутствие дневного света'; греч. $\delta\rho\phi\omicron\varsigma$ 'темный', $\delta\rho\phi\upsilon\eta$ 'тьма (ночи, подземного мира)' предполагают и.-е. $^{*}h_1orgw-s-n-$; (ср. [Frisk 1960–1973, s.vv.]). Сев.-зап. и.-е. корень $^{*}(h_1)erb-$, $^{*}(h_1)rb-$, выступающий в названиях 'рябчика' и 'мрака' не вполне отвечает этим реконструкциям.

Во-первых, он имеет $^{*}b-$ в соответствии с лабиовелярным. Однако возможно, что данный корень принадлежит к группе лексем, имеющих в германском избыточный лабиальный рефлекс протоиндоевропейского лабиовелярного, напр., англ. f *four, wolf, five, twelve, oven, sheep, bid* (и.-е. $^{*}k^{w}etwor-$, $^{*}wlk^{w}o-$, $^{*}penk^{w}e-$, $^{*}lik^{w}$, $^{*}uk^{w}-no-$, $^{*}skeg^{w}o-$,

$^{*}g^{wh}ed^{h}$). Именно это предполагает Анттила относительно прагерм. $^{*}erpa-$ 'темный', отраженного приведенными выше германскими прилагательными [Anttila 1969: 112]³⁷. Другие аналогичные славянские или балтийские соответствия мне неизвестны, однако обнаружение одного или даже нескольких таких соответствий не было бы слишком большим сюрпризом на фоне многочисленных данных, свидетельствующих о слиянии в славянском и балтийском нескольких лингвистических традиций: можно, в частности, указать на примеры мены гуттуральных (протослав., протобалт. K, G вместо и.-е. $^{*}k$, $^{*}g$, $^{*}g^{h}$), различные лексические рефлекссы протоиндоевропейских слоговых сонорных (протослав., протобалт. UR наряду с IR), соотношения тематических смычных (протослав., протобалт. $mediae$ вместо и.-е. $tenuis$, протослав., протобалт. $tenuis$ вместо и.-е. $mediae aspiratae$ [Holzer 1989], а также лексемы с начальными протослав., протобалт. $E-$ вместо и.-е. $^{*}a-$, $^{*}o-$ [Andersen 1996, разделы 6.3–6.5; ср. сноску 25]). Подобно другим лексемам с германскими лабиальными вместо протоиндоевропейских лабиовелярных название 'рябчика' может быть заимствованием из индоевропейского диалекта – предтечи германского, балтийского и славянского, который впоследствии был поглощен этими последними в лесах Восточной Европы, не оставив по себе иных различимых следов, кроме нескольких слов с нерегулярными соответствиями.

Во-вторых, современные акцентные рефлекссы в балтийском (например, лит. диал. $\acute{i}erhe, \acute{i}rhe$) указывают на первоначально долгий гласный. Эта долгота могла развиться при переходе из одного диалекта в другой, однако она может быть и результатом удлинения, прошедшего перед звонким (или глоттализованным) смычным в диалекте-источнике или в пра-славяно-балтийских диалектах по закону Винтера [Winter 1978, Beekes 1995: 133, 151].

воаниями, чем прилагательные, называющие тона более высокого ранга. Общегерманским названием 'коричневого' представляется относительно новое, безусловно вторичное прагерм. $^{*}br\acute{u}la-$ 'коричневый' – протоевропейское название этого цвета не восстанавливается. Все свидетельствует о том, что первоначальное значение прагерм. $^{*}erpa-$ было 'темный, сумеречный'.

³⁷Для некоторых из этих нерегулярных соответствий и.-е. $^{*}g^{w} >$ прагерм. $^{*}b$ могут быть ad hoc предложены индивидуальные фонетические объяснения; (ср. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 89]).

Наконец, реконструируемое сев.-зап. и.-е. **(h₁)erb-i-* 'рябчик', и.-е. **(h₁)erg^w-* отражает состояние I корня (TRET), как и **(h₁)org^w-*, выводимое из греч. ὄρυφος, в противоположность состоянию II **h₁reg^w-* (TRET), представленному греч. ἔρεφος, а также санскритским и армянским соответствиями. Но в сев.-зап. индоевропейском имела также и нулевая ступень корня (TRT), **(h₁)r^h-*, в которой можно предположительно видеть соединительное звено между двумя состояниями (ср. [Anttila 1969: 112]).

2.5. Обобщение

Мы можем теперь подытожить результаты проведенного в предыдущих разделах анализа славянских слов для 'рябчика', 'рябины' и 'рябого', попытавшись интегрировать затронутые морфологическую, семантическую и культурную перспективы в хронологически связанное построение. Это позволит нам добавить к уже сказанному несколько дополнительных наблюдений, детализировав таким образом полученную картину. Для удобства результатов анализа трех лексем обобщены в отдельных разделах.

2.5.1. Названия 'рябчика'

Первоначальное название 'рябчика' в сев.-зап. индоевропейском, **(h₁)erb-i-*, **(h₁)r^h-i-*, могло быть не связано с другими и.-е. этимонами или отражать и.-е. **h₁erg^w-*, **h₁reg^w-* 'мрак, отсутствие дневного света' (как в греч. ἔρεφος 'подземный мрак'). В первом случае, в нем естественно видеть субстратное заимствование. Во втором случае, оно могло быть заимствовано в диалекты, из которых впоследствии развились славянский, балтийский и германский, из индоевропейского диалекта с лабиальными рефlekсами протоиндоевропейских лабиовелярных, распространенного в лесной зоне Центральной и Восточной Европы в эпоху, когда там распространились диалекты — предтечи славянского, балтийского и германского. Каково бы ни было происхождение данного слова, оно, по-видимому, было семантически не мотивированным (то есть лексически изолированным) в славянских, балтийских и германских прадиалектах. Этот чисто этимологический факт не имеет, однако, отношения к символическому значению, которое могло быть закреплено за рябчиком в культурах этих трех групп северо-западных индоевропейцев (см. раздел 2.4).

Сев.-зап. и.-е. **(h₁)erb-*, **(h₁)r^h-* было, по всей вероятности, корневым существительным, с чередующимися степенями аблаута, что свидетельствует в пользу его индоевропейского происхождения. По-видимому, прагерманские диалекты, как и некоторые праславянские и прибалтийские, использовали в производных полную ступень корня (вариант основы I-A: др.-исл. *jarpí*, протослав. *ĒRB-(Ā)-*, протобалт. *ĒRB-Ē-* в лит. диал. *jerhẽ, ĭerhẽ*; см. также ниже), в то время как другие праславяно-балтийские диалекты использовали нулевую ступень (вариант основы I-B: протослав. *ĪRB-Ī-*, протобалт. *ĪRB-Ē-* в бол. диал. *ербица*, лит. диал. *ĩrhẽ*, лтш. *ĩrbe*; ср. раздел 2.2.1). Географическое распределение рефlekсов этих вариантов в современных славянских и балтийских диалектах не содержит ясных указаний на то, каким было их первоначальное распределение в праславяно-балтийском диалектном континууме.

Впоследствии некоторые праславянские и прибалтийские диалекты развили, по-видимому, эвфемистическое (деминутивное) иносказательное обозначение 'рябчика', **h₃er-ŋ-b^h-i-*, *h₃r-ŋ-b^h-i-*, основанное на и.-е. **h₃er(-ŋ-)* 'птица', буквально 'птичка', формальный антоним к **h₃er-el-*, **h₃er-l* (протослав. *ERILA-*, протобалт. *EREILA-*) 'орел'. Оно с течением времени вытеснило унаследованное слово для 'рябчика' почти во всем славянском (ср. сн. 11) и части балтийского. Вариант этого образования с нулевой ступенью корня имеет вполне определенное географическое распределение: он засвидетельствован в латышских диалектах (вариант основы II-B: протобалт.

R-UM-B- в *rubenis* 'тетерев', вторичный деминутив, буквально 'рябчиковая птица'), а также в восточнославянских, словенских и сербскохорватских диалектах (П-В: протослав. R-IM-B-I- в русск. стар. *рябь*, словен. сербохорв. *rěb*). Полная ступень чередования (П-А: протослав. ER-IM-B-I-, протобалт. ER-UM-B-E) характеризуется более диффузным распределением; см. табл. 2.

В дальнейшем, когда деминутив был переосмыслен как основное обозначение 'рябчика', возникло несколько новых слоев деминутивов, распространившихся в большинстве славянских диалектов (ср. раздел 2.2.1). Первичные образования с протослав. -КА-/-KĀ-, позднеобщеслав. *-bъcъ (муж.), *-iĉa (жен.) безусловно хронологически предшествовали славянской территориальной экспансии. Вторичные формы с позднеобщеслав. *-ъkъ (муж.), *-ъka (жен.) могли появиться в эпоху экспансии. Остальные деминутивные образования носят локальный характер и, вероятно, возникли еще позже.

Спустя какое-то время после начала территориальной экспансии славян, когда они стали осваивать степь, в языке одной из славянских группировок это название птицы было перенесено на куропатку *Perdix perdix*. Замечательно, что южнославянские языки и центральнославянские диалекты по большей части обобщили как название 'куропатки' позднеобщеслав. **jerebъcъ* (муж.), **jerebiĉa* (жен.), особенно последнее³⁸; вторичные и позднейшие деминутивные образования в них, как правило, не представлены, будучи распространены почти исключительно в севернославянских диалектах.

2.5.2. Названия 'рябины'

Еще в отдаленной праистории название 'рябчика' мотивировало образование производного со значением 'ягоды рябины', отраженного в архаическом собирательном существительном, укр. диал. *riĭba* (конверсив на базе варианта основы I-A: протослав. ĒRB-Ā-), кашуб. сев.-диал. *jerzba* (вариант I-B: протослав. ĪRB-Ā). В германском подобные образования не известны. Однако, как показывает лтш. диал. *irb-ene* 'рябина' (вариант основы I-B с суффиксом названий растений, буквально 'рябчиковое дерево'; (ср. [Endzelin 1923: 218–219]), эта ранняя лексическая инновация не была узко праславянской³⁹. В разделах 2.3.2–2.3.3 были приведены аргументы, свидетельствующие, что появление этого производного было мотивировано табуистическим запретом на древнее название рябины, а также природными и культурными связями между рябчиком и рябиной. Важно заметить, что, хотя символическое значение рябины было равно актуальным для верований древних славян, балтов, германцев и кельтов, переименование рябины, лингвистически выразившее ее религиозную связь с рябчиком, произошло только в праславянском и небольшой части прабалтийского; см. далее раздел 5.

Более молодые производные с типичными для названий ягод суффиксами протослав. -ĒIN-Ā-, -ĒIK-Ā- были образованы в некоторых диалектах общеславянского на основе первоначального названия 'рябчика' (вариант основы I-B, ср. кашуб. *jerzhina*, в.-луж. диал. *jerbina*, словен. *rhika*, ныне в значении 'сжевика'). Географи-

³⁸Обобщение формы женского рода позднеобщеслав. **jerebiĉa* в большей части южнославянских языков и диалектов и центральных диалектов словацкого может объясняться тем, что куропатка, безотносительно к полу, более напоминает самку рябчика, чем самца: самка рябчика меньше и медлительнее, имеет менее определенную расцветку оперения, в отличие от самца, у нее нет хохолка и черного "галстука" [Cramp 1980: 385].

³⁹В некоторых балтийских диалектах рябина обозначается заимствованием (лтш. литерат. *pūldzis* из ливск. *pūldg* 'дерево рябины', ср. фин. *pihlaja* 'то же'); большинство других балтийских диалектов используют как название рябины рефлексы протобалт. SERM-US (напр., лтш. диал. *sērmūk(l)is*, лит. *žermūksnis*), слово, родственное славянскому названию 'черемухи *Prunus padus*' (русс. черемуха, польск. *czerechka* < протослав. KERM-UX-Ā, словен. *srēmža* < протослав. SERM-UX-IA, варианты *Gutturalwechsel*).

ческое распределение этих производных в настоящее время с трудом поддается интерпретации.

В дальнейшем, вероятно, после того как эвфемистически-иносказательное обозначение рябчика **h₃er-n-bʰ-i-* **h₃r-n-bʰ-i-* 'птичка' было переосмыслено как просто название птицы, от этой основы были образованы новые термины со значением 'рябчиковая ягода', давшие протослав. (E)RIMB-ĒIN-Ā-, -ĒIK-Ā-.

Хотя эти три стадии – (i) протослав. ĒRB-Ā-, ĪRB-Ā-, (ii) ĪRB-ĒIN-Ā-, (iii) (E)RIMB-ĒIN-Ā- – выстраиваются в ясной логической последовательности, эту очевидную хронологию не следует понимать слишком прямолинейно. Рефлексы протослав. ĪRB-ĒIN-Ā- и в самом деле предполагают, что использование 'ягодного' суффикса старше обновления основы в названиях ягод рябины. Однако вполне возможно, что в действительности суффикс был добавлен уже после этого обновления, но затем распространился в диалектах, использовавших как старый, так и обновленный вариант основы, заменив протослав. -Ā- на -ĒIN-Ā- (например, ĪRB-Ā- > ĪRB-ĒIN-Ā-, *(E)RIMB-Ā > (E)RIMB-ĒIN-Ā-), resp. на -ĒIK-Ā-. Следует заметить, что первоначальный суффикс собирательных протослав. -Ā- присутствует в обоих 'ягодных' суффиксах (подобно тому, как это имеет место в протослав. ĀG-Ā- 'ягоды' и производном протослав. ĀG-AD-Ā 'ягоды'; ср. позднеобщеслав. *(vinj)-ag-a 'виноград', *jag-od-a 'ягода, ягоды', протобалт. OG-A, лит. uoga 'ягоды'; [ср.: SP, 1:63, 152].

В любом случае резонно полагать, что с течением времени производные на базе более нового, осложненного варианта основы в целом вытеснили старые дериваты на базе варианта I-B. Это объясняет, почему последний в настоящее время столь скудно представлен.

2.5.3. Названия 'рябого, пестрого'

Несколько групп индоевропейских диалектов в Европе имеют общее слово для 'рябого', др.-ирл. *riabach* 'рябой, серый' лит. *rāibas* (наряду с *rāibas, rāimas, rāimas, rāinas, rāinas, rāivas*) 'рябой, пятнистый', лтш. *rāibs* 'рябой, пятнистый, разноцветный', др.-прусс. *roaban* 'полосатый'. Тот же корень может выступать в прагерм. **(h_x)roi-ko-*, др.-в.-нем. *reh(o)*, др.-англ. *rāh(a)*, др.-исл. *rá* 'косуля'; [ср. [Fraenkel 1965: 686]]. В славянском этот этимон представлен укр. *ribий*.

Этимологи пытались связать это слово с синонимичным позднеобщеслав. **jerebъ, *rebъ*, несмотря на очевидное расхождение в огласовке. Морфологический анализ, проведенный в разделах 2.2.3–2.2.4, выявляет отчетливое хронологическое соотношение между двумя рядами слов. Кельтские, германские, балтийские и славянские прилагательные, основанные на и.-е. **(h_x)roi-*, являются, по-видимому, относительно древними. Напротив, позднеобщеслав. **jerebъ, rebъ* явно моложе специфически праславянско-балтийского иносказательного **h₃er-n-bʰ-i-* 'птичка' и его переосмысления как названия 'рябчика'. Это ведет к единственно возможному выводу: в общеславянском унаследованное прилагательное протослав. RAIBA 'рябой, пестрый', реликтовое представленное укр. *ribий*, было в основном заменено семантически более жизненными производными со значением 'рябчиковый', созданными на базе распространенного варианта основы II-B в восточнославянском (напр., русск. *рябой*) и II-A – в других диалектах (напр., слов. *jarabý*). Характерно, что географическое распределение этих вариантов названия 'рябого' – то же, что мы наблюдали для вариантов II-A и II-B в разделах 2.5.1, 2.5.2. Во многих славянских диалектах этот общеславянский конверсив был впоследствии обновлен с использованием соответствующих суффиксов.

3. КУРОПАТКА

3.1. Позднеобщеслав. **kuropъty* 'куриная птица'?

Общепринятая этимология севернославянского названия 'куропатки', представленная в стандартных этимологических словарях (ср. (6)), создает на первый взгляд впечатление очевидной, предполагая сочетание двух общеславянских корней в прозрачном сложении с хорошо мотивированным значением. В начале статьи мы по композиционным соображениям приняли эту этимологию как данность. Однако ближайшее знакомство с картиной представленности слова в славянских языках и диалектах не может не возбудить серьезных сомнений относительно как содержательной, так и формальной стороны этой реконструкции.

(6) Позднеобщеслав. **kuropъty*:

зап.-слав.: полаб. *t'aurēpotkā*, словин. *kūropātka*, кашуб. *kuropatka*, польск. *kuropatwa*, диал. *kuropatka*, *kropatwa*, в.-луж. *kurotwa*, *kurotej*, *-twje*, н.-луж. *kurotwa*, чеш. *koroptev*, *-ive*, диал. *kurotva*, *kurotvja*, *korotev*, *kuropatva*, *kropatf*, словц. *kuropka*, стар. *kuropiva*, диал. *kuropka*, *kuropatka*; вост.-слав.: укр. *курона́тка*, диал. *курі́нка*, *курона́та*, *корона́та*, белор. *кура́нэтка*, *кура́нэтва*, диал. *кура́нэта*, русск. *куропа́тка*, диал. *куропа́тва*, *ку́ропотъ*; юж.-слав.: сербохорв. стар. *kuropiva*, словен. диал. *kurnprat*, стар. *kornbrat* 'вальдшнеп' *Scolopax rusticola*; (ср. [ЭССЯ, 13:127–128]).

Широко представленные отклонения от реконструируемой формы лексемы составляют наиболее серьезное препятствие для принятия самой реконструкции. Эти отклонения затрагивают как первую часть сложения, которая во многих районах и пунктах представляет рефлекс не позднеобщеслав. **kur-o-*, а, скорее, **koro-*, **kor-* или **kro-*, так и его вторую часть, которая в части славянских языков и диалектов действительно представляет рефлекс предполагаемого **рѣt-*, однако значительно более широко распространена в виде рефлекса последовательности **pat-*, см. (6).

Предполагаемое значение также нельзя признать вполне удовлетворительным. Кажется сомнительным, чтобы общеславянская народная таксономия птиц действительно включала родовой термин 'куриная птица'. Если же такой термин и в самом деле существовал, то почему такое значение нигде не засвидетельствовано для рефлексов позднеобщеслав. **kuropъty*? Можно, конечно, предполагать, что это родовое значение не могло долго сосуществовать со специальным значением 'куропатка'. Но по крайней мере в южнославянских языках, где значение 'куропатка' выражают рефлексы позднеобщеслав. **jerebica* и других родственных слов, такого конфликта быть не могло. Более вероятно поэтому, что позднеобщеслав. **kuropъty* было изначально создано как обозначение определенного вида, а именно куропатки. Но если так, тогда почему этот вид был обозначен термином, очевидным образом отсылающим к неправильному таксономическому уровню: почему 'куриная птица', а не, скажем, 'полевая курица', как в датск. *ager-høne*, или 'ежевичная курица', как в нем. *Reb-huhn*, буквально, 'доловая курица'⁴⁰.

Чтобы полностью оценить масштабы формального варьирования термина, приводящее в смущение множество вариантов полезно увидеть нанесенным на карту Обще-славянского лингвистического атласа [Аванесов и др. 1988; 70 и сл., карта 23]. Приведу без комментария предлагаемый автором карты Ф.Д. Климчуком перечень реконструируемых вариантов (7); в записи Климчука прописные буквы обозначают чередующиеся элементы (например, *U* представляет чередование *u* ||ollØ, *O* – *olla*, *P* – *p||llØ*; '=' указывает на результаты переразложения. Мои собственные реконструкции

⁴⁰ Нем. *Rebhuhn* считается возникшим по народной этимологии (ср. [Kluge, Götze 1953, s.v.]). Здесь важно, однако, что структура сложения семантически правильна.

(7)	(a) <i>kur-o-рѣт-ѣ</i>	(f) <i>kUr-O-p = -at-ѣv-ѣ</i>
	(b) <i>kUr-O-Рѣт-ѣv-ѣ</i>	(g) <i>kUr-O-p = -at-ѣv-a</i>
	(c) <i>kUr-O-Рѣт-ѣv-a</i>	(h) <i>kUr-Oрp = -at-ѣk-a</i>
	(d) <i>kUr-o-Рѣт-ѣv-ja</i>	(i) <i>kur-o-p = -ѣk-a</i>
	(e) <i>kUr-O-p = -at-a</i>	

Рассмотрим первый компонент, гипотетическое **kur-o*. Вариант *kro-* с большой последовательностью представлен в восточных, центральных и южных диалектах польского (напр., польск. диал. *kropatwa* (7g), при лит. *kuropatwa*). Вариант *koro-* так же последовательно представлен в Чехии и Моравии (напр., чеш. литерат. *koroptev* (7b)), в отдельных пунктах Восточной Польши и многочисленных пунктах, разбросанных по территории Украины, Белоруссии и России (напр., укр. диал. *коропатва* (7g), русск. диал. *коропатка* (7h), при укр. литерат. *куропатва*, русск. литерат. *куропатка*). В принципе, прозрачные сложения иногда подвергаются фонологическим деформациям, утрачивая свою прозрачность. В особенности это характерно для отдельных терминологических систем, как, например, охотничьих обозначений дичи, часто демонстрирующих сознательные, табуистически мотивированные деформации. Однако широкую и неравномерную представленность форм с *koro-* в восточнославянских диалектах трудно объяснить таким образом. Распределение вариантных форм с *koro-* и *kuro-* проще интерпретировать на основе допущения, что формы с *koro-* были на обширных территориях изменения в *kuro-* по народной этимологии (по сходству с позднеобеслав. **kur-* 'курица'), сохранившиеся неизменными в отдельных разрозненных местных диалектах.

Налицо, похоже, классический случай, требующий применения филологического принципа предпочтения "lectio difficilior". В данной ситуации поступить таким образом – значит признать прозрачные формы с *kuro* отражающими результат вторичного "редактирования", направленного на достижение большей ясности выражения, и взять на себя бремя интерпретации форм с более сложными, затемненными вариантами первой части *-kro-* и *koro-*.

Те же соображения вызывает и второй компонент позднеобеслав. **kur-o-рѣту*. Большинство этимологов закрывают глаза на различие между вариантами **-рѣт-* и **-pat-* (**-рѣт-* и *-p=at-* у Климчука (7)), необъяснимое никакими известными чередованиями гласных (протослав. *-U-* || *-Ā-*, и.е. **-u-* || **-ō-* или **-ā-*). Те немногие, кто признал наличие этой сложности, вынуждены были схватиться за соломинку. П.Я. Черных предположил контaminationу регулярного (восточнославянского) рефлекса *-poi-* с суффиксальным гласным, выступающим в таких образованиях, как диал. *пт-ах*, *пт-ак* [Черных 1993, s.v. *kuropatka*]. Украинский исследователь И. Стоянов, объясняя соотношение вариантов **-рѣт* и **-pat-*, предположил, что "в связи с сближением второй части сложения с образованиями на *-tva* и утратой корневого гласного *и* (вследствие общеславянского падения редуцированных), в сочетании согласных *ptv* развился вторичный гласный *а*" [Мельничук 1982, 3:156 f. и сл.]. Однако варианты с **-pat-* географически распространены столь широко, что должны были появиться задолго до падения редуцированных. Фактически они представлены во всех славянских языках, знающих данное слово, за исключением нескольких компактных ареалов: Верхней и Нижней Лужицы (*kuropa*, *kurwota*), Чехии и Моравии (*koroptev*), русских диалектов в районе Архангельска (*ку́ропоть*), небольшого участка украинских Карпат и нескольких изолированных юго-восточных анклавов украинского, где укр. диал. *куріпка*, по-видимому, отражает **kuro-рѣта*, с *i* из *о* по заместительному удлинению 'в сильной позиции' и с происшедшим после падения редуцированных переразложением под влиянием продуктивной модели деминутивов на *-k-a*.

Из двух вариантов, **-pъt* и **-pat-*, первый бесспорно лучше объясняет название птицы, чем второй, не имеющий в славянских языках очевидных семантических ассоциаций⁴¹. Более вероятно, следовательно, что **-pъt-* заменило **-pat-*, а не наоборот. Это "исправление" могло быть проведено задолго до падения редуцированных. Оно вполне могло предшествовать территориальной экспансии славян, чем можно объяснить распространение данной инновации из одного района в многочисленные и не связанные друг с другом области, в которых ее рефлексы представлены в настоящее время. С другой стороны, такая инновация могла возникнуть и независимо в разных местах и в разное время, так как мотивированность ее имела системный характер: содержание понятие 'птица' всегда и всюду было частью понятия 'куропатка'.

3.2. Позднеобщеслав. **kropaty* 'куропатка'?

Этимологизируя название 'куропатки', Вайан отдал предпочтение *lectio difficilior* (что, как кажется, было просмотрено в этимологической литературе), предположив для данного слова исходную форму **kropaty*, образованную от **kropatъ* 'рябой, пестрый', производного от **kropъ* 'капля'. Он находил очевидным "qu'il s'agit d'un nom... déformé par l'étymologie populaire, qui a voulu retrouver dans son initiale *kurû* 'coq', et dans sa finale *pûta* 'oiseau'..." [Vaillant 1958: 258]. Заметим, что суть предполагаемых Вайаном народных этимологий ("исправления" в **kur-o-* и **-pъt-*) заключается в переразложении протоформы, изменении **krop-at-* у в **kro-pat-* у: гипотетическое образование, изначально содержавшее один корень, переосмысливается как состоящее из двух.

К сожалению, реконструкция Вайана не объясняет вариантов с *koro-*, представленных в чешских, моравских и восточнославянских диалектах. Она также не вполне удовлетворительна в семантическом отношении, поскольку, как уже было сказано выше, пестрое оперенье для птиц настолько обычно, что непонятно, каким образом столь поверхностная характеристика может служить цели определения одного определенного вида.

Объяснение Вайана эксплицитно основано на допущении, что унаследованное балто-славянское название 'куропатки', позднеобщеслав. **jerębъ*, было в севернославянских языках заменено на **kropaty* [Vaillant 1958: 278]. Мы же исходим из гипотезы, развитой в разделе 1.3 настоящей статьи, согласно которой славяне поначалу не располагали названием для 'куропатки', поскольку жили в лесной зоне. Отправляясь от этого и вспомнив, что современное севернославянское название 'куропатки' (русс. *серая куропатка*) используется также как обозначение другого вида, *Lagopus lagopus* (русс. *белая куропатка*, блр. *белая курапатка*), стоит изучить возможность того, что позднеобщеслав. **kuropъty* (или **kor(o)paty*) исходно обозначало 'белую куропатку', и – допустив, что перед нами описательный термин – попытаться этимологизировать слово, основываясь на характеристиках его предполагаемого денотата.

3.3. Позднеобщеслав. **korpaty* 'Lagopus lagopus'

3.3.1. От 'белой куропатки' к 'серой куропатке'

В отличие от серой куропатки, чей первоначальный ареал был ограничен степью и открытыми участками лесостепи к югу от лесной зоны, белая куропатка – "птица по преимуществу тундры и редколесья, переносимая кустарник, но не лесостой" [Cramp

⁴¹ В обширном списке форм, приводимых в Общеславянском диалектном атласе встречаются лишь изолированные примеры народных этимологий, демонстрирующих такие ассоциации, например, русск. диал. *куропѣтка* (букв. 'куриная пятка') или укр. диал. *скоропѣдка* (букв. 'быстро падающая') (ср. [Аванесов 1988: 83]).

1980: 392)⁴². "В период размножения преимущественно концентрируется в безлесной тундре, на болотах, вересковых пустошах, ...на севере СССР предпочитает заросли ивы и карликовой березы *Betula*, перемежающиеся с хвойной, поросшей ягодой тундрой... По окончании сезона размножения... перемещается в лесотундру и ивово-березово-ольховые леса" [Там же].

В южной части своего ареала, в лесной зоне, белая куропатка ведет преимущественно оседлую жизнь, с зоной рассеяния в пределах 10 км., как в Скандинавии [Stamp 1980: 394]. В прошлом была распространена к югу до припятских болот, но в дальнейшем ареал птицы значительно сократился на юге и на западе, особенно за последнее время: с 1870 г. она не появляется в Восточной Пруссии, а на территории Литвы исчезла уже в этом столетии [Yeatman 1971: 160]. В Белоруссии, где белая куропатка причислена к исчезающим видам, она распространена почти только в северных областях, где встречается в основном в природных заповедниках [Долбик 1974: 36–37, карта]. Тенденция к потеплению, наблюдаемая в последние два столетия, осушение болот под сельскохозяйственные угодья, истребление и нарушение экологической среды – вот основные причины упадка вида [Долбик 1974: 44; ср. Stamp 1980: 393].

Примечательно, что среда обитания белой куропатки частично совпадает со средой обитания серой куропатки. Зависимость белой куропатки от растительности болот и пустошей и предпочтение серой куропаткой открытых участков с островками леса, грубой травы и кустарника, пригодных для укрытия и устройства гнезд, сделали возможным неконкурентное сосуществование двух видов в определенных природных ландшафтах *pari passu* по мере постепенного обращения лесной зоны в культивированную степь. Таково реальное, практическое основание для предположенного в разделе 1.3 распространения названия белой куропатки также и на серую куропатку. Можно представить себе, как на протяжении столетий, со средних веков до нового времени, это семантическое расширение постепенно распространялось в северно-славянском языковом ареале параллельно с расширением ареала куропатки на север, в пределы бывшей лесной зоны⁴³.

Если, таким образом, **korpaty* было первоначально обозначением 'белой куропатки', тогда славянская группировка S, колонизовавшая степь и перенесшая на серую куропатку традиционное обозначение рябчика (ср. раздел 1.3), более не нуждалась в слове для обозначения белой куропатки, поскольку последняя не встречается к югу от лесной зоны. Этим может объясняться общее отсутствие рефлексов **korpaty* в южнославянских языках.

В этой связи интересно заметить, что изолированные южнославянские употребления **korpaty* имеют разные значения.

(i) сербохорв. стар. *kuroptva* 'куропатка', может восходить к речи представителей группировки N (ср. раздел 1.3), в которой семантический переход 'белая куропатка > серая куропатка' произошел еще в эпоху до начала славянских миграций (если, конечно, это сербохорватское слово не является значительно более поздним заимствованием из чешского, что предполагает Безлай [Bezlej 1982: 113; s.v. *kurnprat*]).

⁴² *Lagopus lagopus* имеет несколько подвидов, из которых наиболее известен *scoticus* (русск. *шотландский метелек*). Подвид *lagopus* распространен в Скандинавии, Финляндии и северной России, к югу примерно до 60° сев. широты (в частности, в Ленинградской, Вологодской областях по р. Вычегде). К югу от его ареала, целиком в пределах лесной зоны располагается ареал подвида *rossicus*, который и является предметом нашего внимания. Существует и еще с дюжину разновидностей *lagopus lagopus*, обитающих в разных частях палеарктического и неарктического поясов (в Сев. Америке и Гренландии).

Как и рябчик *Bonasa bonasia*, белая куропатка входит в семейство тетеревящих (*Tetraonidae*, ср. сноску 2). Ближайшим родственником ее является тундрная куропатка *Lagopus mutus*, чей ареал целиком расположен к северу от лесной зоны, протянувшись от лесотундры на юге до Ледовитого океана на севере. Эта птица, вероятно, была неизвестна славянам.

⁴³ Русск. *куропатка* в современном значении впервые фиксируется в 1586 г. в форме *Courat pateca* [Черных 1993, s.v.]; польск. *kurapatwiczka* встречается в этом значении у Н. Рея (1509–1569) (ср. [Brückner 1974, s.v.]).

(ii) Словенское диал. *kurnprat*, устар. *kornhrat* 'вальдшнеп *Scolopax rusticola*' кажется мотивированным тем обстоятельством, что эта болотная птица (русс. *вальдшнеп*, *лесной кулик*) имеет примерно ту же среду обитания, что и белая куропатка (в добавок к определенному сходству в окраске оперения), что позволяет допускать прямой перенос значения 'белая куропатка > вальдшнеп' в речи выходцев из группировки N, сохранивших в какой-то степени память о белой куропатке.

Хотя белая куропатка размером несколько больше серой (ср. сноску 34), ее главным отличительным признаком является, безусловно, окраска оперения. Летом его "верхние участки, зоб, шея, верхняя часть груди – глубокого... красно-коричневого цвета... с темными пестринами. Крылья и нижняя часть туловища белые". Зимой "все красно-коричневые участки оперения... становятся белыми" [Стамр 1980: 391]. Эта бросающаяся в глаза особенность оправдывает русское и белорусское определение вида 'белая', противопоставляя его 'серой' куропатке. Последняя, несмотря на все разнообразие оттенков оперения, столь заметных вблизи, на расстоянии кажется просто серой, и остается такой круглый год.

3.3.2. Форма **korpaty*

Предлагаемый ниже анализ основывается на данных Общеславянского лингвистического атласа [Аванесов и др. 1988: 71–72, 153], с некоторыми добавлениями из Словаря русских народных говоров (СРНГ) и затрагивает в данном разделе формальную сторону лексемы, а в разделе 3.3.3 – ее возможное описательное содержание.

Исходя из трактовки вариантов с **kur-o-* как результатов народной этимологии, варианты, требующие объяснения, можно представить в виде следующего перечня (8), представляющего собой переоформленный в позднеобщеславянских терминах перечень (7), пункт за пунктом. Морфологическое членение вариантов предвосхищает последующие выводы.

(8)	(a) * <i>kor-o-ryt-ь</i>	(f) * <i>korpat-ъv-ь</i>
	(b) * <i>kor-o-ryt-ъv-ь</i>	(g) * <i>korpat-v-a</i>
	(c) * <i>kor-o-ryt-v-a</i>	(h) * <i>korpat-ъk-a</i>
	(d) * <i>kor-o-ryt-v-j-a</i>	(i) * <i>kor-o-ryt-a</i>
	(e) * <i>korpat-a</i>	

Исходное протослав. KARP-Ā-TA – с неясным значением, но, возможно, параллельное таким прилагательным, как протослав. BARD-Ā-TA 'бородатый', RAG-Ā-TA 'рогатый', позднеобщеслав. **hordatъ*, *rogatъ* (ср. раздел 3.3.3) должно было дать в общеславянском субстантивированные прилагательные **karp-at-a* (муж.), **karp-at-ā* (жен.), позднеобщеслав. вост. диал. **koropatъ*, **koropata*; ср. (8e). Эти рефлексy непосредственно представлены в сев.-русс. диал. *kuropāt* [СРНГ, s.v.], блр. диал. *коропата* (||*куро-*) и укр. диал. *коропата* (||*куро-*). Последнее образование имеет регулярный деминутив (позднеобщеслав. вост. диал. **koropatičā*), представленный изолированным русск. диал. *курупатица*, и, возможно, косвенно, с учетом регулярной замены суффикса, затронутой в разделе 2.2.1, в некоторых или всех восточнославянских рефлексах позднеобщеслав. диал. **koropatъka* (ср. (8h)), как русск. диал. *куропатка* (||*куро-*), блр. *коропатка* (||*куро-*), укр. диал. *коропатка* (||*куро-*), а также в слов. вост. диал. *kuropatka*, кашубск. диал. *kuropatka*, полаб. *t'aurēpotka*. Однако формы с продуктивным суффиксом позднеобщеслав. *-ъka могут восходить и к следующему образованию.

Производное общеслав. **karp-āt-ū* (жен.) дает позднеобщеслав. лехитск. диал. **kropat-y*, асс. sg. -ъvъ, и вост. диал. **koropat-y*, -ъvъ⁴⁴. Первое предполагается польск.

⁴⁴ Напомню, что позднеобщеслав. и-основы представлены тремя алломорфами, например, i) **čьrk-y-*

диал. *kropatŭa* (и литер. *kuropatwa*) (ср. (8с)); второе могло быть трансформировано в позднеобщеслав. вост. диал. **koropatŭka* (ср. (8h)), выступающее в русск. диал. *коропатка* (||куро-), блр. диал. *коропатка* (||куро-), укр. диал. *коропатка* (||куро-); но в чистом виде представлено в явно восточнославянском по форме польск. вост. диал. *koropatef* (район Полесья) и русск. сибирск. диал. *коропатва* [СРНГ, s.v.]; ср. (8f).

Параллелями к отадъективному общеславянскому образованию на *-и- могут служить позднеобщеслав. **rŭstŭr* 'пестрый' – диал. **rŭstry* 'форель' (ср. сербохорв. *pástrva*, словен. *postŕv*), **suxŭ* 'сухой' – диал. **suxy* 'изюм' (серб. ц.-сл. *сухваци* (instr. pl.), сербохорв. стар. *suxva*, диал. *sŭvica*; (ср. [Vaillant 1958: 278 и сл.]). Однако, учитывая возможность существования особых обозначений для самца и самки белой куропатки, позволительно интерпретировать общеслав. **karp-āt-ŭ-* в контексте таких пар, как позднеобщеслав. **svekr-ŭ – svekr-y-* ('свекр – свекровь', ср. др.-руссск. *свекры*), **vŭnik-ŭ – vŭnik-y* 'внук – внучка' (ст.-сл. *вѣнукъ* – польск. стар. *wnukiew*) и **kur-ŭ – *kur-y* 'петух – проститутка' (букв. 'курица', ср. фр. *coquette*) (напр., русск. *кур – курва*). Последняя пара подтверждает как продуктивность данной модели еще в относительно недавнее время (ср. прим. 26), так и ее актуальность для названий птиц; ср. также позднеобщеслав. диал. **gŭtŭ*, сербохорв. *ŭtva* при позднеобщеслав. диал. *gŭtŭka*, русск. *утка* (протослав. *ANT-Ŭ-*).

Субстантивированная форма мужского рода, позднеобщеслав. **korpātŭ* 'самец куропатки', выступающая в сев.-руссск. диал. *куропāt*, может быть усмотрена в нескольких измененном виде в словен. диал. *kurnprat*, стар. *kornbrat* 'вальдшнеп *Scolapax rusticola*⁴⁵.

В части общеславянского ареала последовательность *-pāt-* общеслав. **karpātā* была интерпретирована как корень со значением 'птица', вследствие чего слово подверглось переразложению. Результатом этого переосмысления явилась не только последующая замена гласного (на общеслав. **-pŕt-*), но и трактовка первой части слова как отдельного корня, вызвавшая вставку регулярного интерфикса (и.-е. **-o-* > общеслав. **-a-*), продуктивного в новых сложениях. Полученное таким образом общеслав. **kar-a-pŕt-ā-*, позднеобщеслав. диал. **kor-o-pŕt-a* (ср. (8i)) косвенно отражено в н.-луж., в.-луж. *kurŭota* (с *-t-* < **-pt-*) и сев.-руссск. диал. *кўронка*, укр. ю.-вост. диал. *кўринка*, слов. вост. диал. *koropka*, имеющих *-pk-* в соответствии с позднеобщеслав. **-pt-* по ассимиляции с распространенными деминутивными образованиями на *-k-a-*. Соответствующая форма мужского рода, позднеобщеслав. **koropŕtŭ* (ср. (8a)) предполагается сев.-руссск. диал. *кўропотъ*; в некоторых говорах эта лексема специально обозначает самца куропатки, в отличие от (предположительно немаркированной по признаку пола) формы женского рода *куропātka*.

Переразложение общеслав. **karpāt-* произошло и в диалектах, в которых имелись дериваты на **-ŭ-*, что дало позднеобщеслав. **kor-o-pŕtŭ*, асс. sg. *-ŭvŭ*. Эта форма непосредственно отражена чеш. литерат. *koroptev* (ср. (8с)) и косвенно – чеш. диал. *korogŭa* (||куро-) и моравск. *korotŭja* (||куро-) (ср. (8d)), все формы с переходом *-tv-* < **-pŕtv-*.

Предложенная реконструкция отношений между различными современными

(ном. sg.), 2) **cŕkŭ-ŭv-* (косвенные падежи единств. числа, ном. асс. gen. pl., и все формы двойств. числа) и 3) **cŕkŭ-v-* (loc. dat. instr. pl.), ср. **cŕkŭ-ŭv-e* 'dat. sg' и **cŕkŭ-v-axŭ* 'loc. pl.'. Упрощение этого склонения происходит, как правило, путем обобщения одного из последних двух вариантов: обобщение варианта (2) дает существительные третьего склонения (ср. русск. *церковь*), тогда как обобщение варианта (3) – второго (ср. укр. *церква*).

⁴⁵ Обе эти формы демонстрируют изменение *-rC-* > *-rCr-*, похожее на аналогичное изменение лат. *perdix* > франц. *perdrix*, англ. *partridge*. Дополнительные изменения, представленные в этих словенских формах, труднообъяснимы.

рефлексами протослав. KARPĀ-TA- (муж.), KARPĀ-TĀ- (жен.) представляется логически достаточно последовательной. Она объясняет соотношение польск. *kro-* || вост.-слав. *koro-* как регулярный результат развития общеславянских плавных дифтонгов, а также то, почему все диалекты, имеющие рефлексы позднеобщеслав. **-ry-* имеют одновременно начальное *kor-o-* (|| *kur-o-*). Но она последовательна также и с географической и хронологической точек зрения, предполагая простое хронологическое соотношение двух основных ареальных различий между вариантами лексемы, которые могут быть, во всяком случае, приблизительно и схематично, спроецированы на диалектную карту общеславянского эпохи до начала миграций.

Схема 2

Приблизительное географическое размещение общеслав. вариантов протослав. KARPĀ-TĀ- 'белая куропатка' в эпоху до начала славянских миграций

	-Зап.	Вост.
Сев.	<i>*karp-ât-û</i>	<i>*karp-ât-â</i>
Юг.	<i>*kar-a-pui-û</i>	<i>*kar-a-pui-â</i>

На схеме 2 (реконструируемая) южная зона характеризуется перераспределением лексемы, вызванным первичной народной этимологией (общеслав. **-pat-* > **-ryt-* 'птица'). Вариант в юго-западном квадрате представлен чешскими и моравскими формами (8b, c, d), юго-восточный вариант выступает в северновеликорусских (8a, i), юго-восточных украинских (8f) и серболужицких (8i) диалектах – последние в этом отношении ведут себя в соответствии с теорией Трубачева о вторичной окцидентализации серболужицкого [Трубачев 1963: 1967; Andersen 1966, раздел 6.1]. Наиболее архаичный вариант в северо-восточном квадрате непосредственно представлен лишь в белорусских и украинских диалектах (8e), но может лежать и в основе других восточнославянских форм (8h). Вариант в северо-западном квадрате отражен основной массой польского и украинского материала (8g), изолированными примерами (8f) и некоторыми двусмысленными рефlekсами (8h) в полабском и кашубском на западе и во многих восточнославянских говорах на востоке.

Изменение в **kuro-* по народной этимологии не нашло себе места в этой схеме, поскольку невозможно определить, когда оно произошло и как распространялось на славянских территориях. Укр. *kúpinka* (ст.-укр. **korôpta* < позднеобщеслав. **kor-o-ryta*) свидетельствует, что эта народная этимология старше падения редуцированных и фонологизации компенсаторно удлинённого соединительного **-o-*. Будь оно моложе, в неологизме был бы не *i*, а *o*, так как интерфикс *o* сохраняет свою продуктивность в украинском⁴⁶. Слабый намек на возраст новообразования содержит и южнославянский материал. Словенск. диал. *kurnprat* 'вальдшнеп' может указывать на то, что в некоторых диалектах общеславянского изменение в **kuro-* произошло до монофтонгизации дифтонгов, то есть ранее 500 г. н.э., поскольку изменение общеслав. **karpāt-* > **kaur-a-pat-* кажется более правдоподобным, чем позднейшее общеслав. **karpāt-* > **kūr-a-pāt-*, не говоря уже об изменении после метатезы сочетаний с плавными, позднеобщеслав. **krapat-* > **kur-o-*. Если эти соображения справедливы, то можно считать, что изменение по народной этимологии могло произойти в любой момент после введения домашнего куроводства у славян и происходило в разное время в разных диалектах на протяжении последних двух тысячелетий.

⁴⁶ Ср. различные реализации интерфикса в относительно недавнем (книжном) укр. *сам-о-званец* (позднеобщеслав. *sam-o-zъv-a-*) и традиционном укр. *мак-и-тра* (позднеобщеслав. **mak-o-lyr-a-* 'посуда для растирания мака'); эффект заместительного удлинения гласного в слове перед слабым редуцированным наблюдается лишь в традиционной лексике.

Содержательная сторона реконструируемого протослав. KARPĀ-TA- представляет больше трудностей для анализа.

Исходное слово выглядит как прилагательное, приписывающее денотату некоторый характерный и бросающийся в глаза признак. Возможно, что протослав. KARPĀ-TA- служило табуистической заменой более раннего названия, в отличие от сев.-зап. и.-е. **(h₁)erb-i-* ныне бесследно утраченного. Другая возможность заключается в том, что это прилагательное первоначально характеризовало белую куропатку, отличая ее от близкой родственницы – серой куропатки. Эта возможность предполагает, что два вида рассматривались как имеющие больше сходств между собой, чем с другими птицами (в частности с еще одним представителем куриных, обитающим на юге лесной зоны, тетеревом *Tetrao tetrix*), что кажется вполне вероятным. Характерно в связи с этим, что общеславянский сохраняет протоиндоевропейское название тетерева (позднеобщеслав. **teterǔь*, др.-прусс. *tatarwis*, лтш. *teteris*, лит. *tėtervinas* (муж.) *tetervà* (жен.), др.-исл. *piðurr* ‘глухарь’, ирл. *tethra*, греч. *τετράων* ‘глухарь’, санскр. *titīras* ‘куропатка’). Вполне возможно, что рябчик и белая куропатка считались некогда разновидностями сев.-зап. и.-е. **(h₁)erb-i-*. Менее вероятно, что, как и рябчик, белая куропатка играла роль ритуального источника яиц для весеннего праздника плодородия – название ее носит чисто описательный характер и, в отличие от слов для рябчика, не содержит никаких признаков иносказательного языкового поведения.

К сожалению, характерный признак, называемый этим прилагательным, может быть идентифицирован лишь весьма гипотетически. Претендовать на эту роль могут два протославянских корня.

Протослав., протобалт. KĀRPĀ- (лтш. *kaĩpa-*, лит. *kārpa* ‘бородавка’) кажется малоподходящим кандидатом. Этот корень усматривается в слвц. *rapavý* ‘покрытый рубцами, оспинами’, словен. *rapa* ‘рубец, оспина (на лице)’, укр. *коропáтий*, *коропáий* ‘шершавый, пупырчатый’, эпитет жабы (укр. *коропáта жаба*, блр. *карóнава жаба*), встречается также в иносказательных названиях жабы и лягушки (словен. *krápravica*, укр. *корóна*, *корóнавка*, диал. *коропáня*, блр. *курáна*), см. [ЭССЯ, 13:90]. Характерно варьирование акцента, например, закономерное укр. *корóна*, *корóнавка* (соответствующие балтийским формам) наряду с *коропáтий*, *коропáвий* и др., вероятно, объясняемыми контаминацией со следующим этимолом.

Другой корень – протослав., протобалт. KERP-, KIRP-/KURP- ‘резать’ – имеет больше шансов, так как обладает двумя специализированными значениями, позволяющими обозначить одну из двух действительно характерных черт белой куропатки.

Одно из этих специализированных значений представлено в дериватах корня, означающих ‘вырезанный кусок ткани, заплатка, тряпка’ (слвц. *krpa*, словен. *kĩpa*, сербохорв. *kĩpa*, макед. *kĩpa*, болг. *кѣрпа*, позднеобщеслав. **кѣрпа*, протослав. KURPĀ-). Оно выступает также в широко распространенном отыменном глаголе протослав. KURPĀ-TĒI ‘латать, чинить (одежду)’ (польск. диал. *karpać*, чеш. стар., диал. *krpati*, слвц. *kĩpat’*, словен. *kĩpati*, сербохорв. *kĩpati*, болг. *крѣна*, укр. *кóрпáти*, блр. *кóрпáць*, русск. диал. *корпáть*). В современных славянских языках этот этимон выступает исключительно с нулевой степенью корня; однако в литовском представлена ступень *o* в *karpà* ‘лоскут, кусок ткани’. Основанное на сходной форме реконструируемое протослав. KARPĀ-TA могло иметь значение ‘в заплатках, истрепанный’, подмечающее яркую черту облика белой куропатки на протяжении большей части года. Дело в том, что эта птица несколько раз в году линяет (до и после сезона размножения и осенью), причем линьки как бы частично переходят одна в другую.

ЛИНЬКИ. ...У взрослых птиц по окончании периода размножения. Полная линька; начинается в июле, заканчивается в сентябре... В оперении туловища перья головы, шеи, груди и верхней стороны хвоста заменяются пигментированными перьями небрачного наряда. Начиная с сентября среди пигментированных перьев появляются белые; в течение осени все пигментированные перья, включая появившиеся в ходе предыдущей линьки, заменяются на белые... У взрослых птиц перед началом периода размножения. Частичная линька; туловище, внутренние маховые перья второго порядка и центральные перья верхней стороны хвоста, но не остальная часть хвоста и крыльев. Начинается в марте-апреле с горла, шеи и верхней части груди, продолжается на голове, задней стороне шеи и верхней части мантии. У самок заканчивается... в начале мая. У самцов продолжается на протяжении большей части лета и без перерыва переходит в следующую линьку; рассматривается (некоторыми орнитологами) как включающая отдельную линьку в промежутке между весной и осенью [Cramp 1980:404].

Эта экстравагантная, почти перманентная смена нарядов отличает белую куропатку от других птиц лесной зоны, придавая на протяжении большей части года многим или даже всем представителям вида весьма характерную неряшливую расцветку, в одно время года в целом пеструю красно-коричневую, но с примесью белых перьев, в другое – в основном белую, но с выглядывающими из-под белого наряда цветными перьями [Долбик 1974: 36], см. иллюстрации в [Cramp 1980: 400, табл. 46] или в Audubon Society field guide [Udvardy 1977: 268–271]. Не удивительно, что столь яркая зрительная примета могла быть положена в основу описательного названия птицы.

Другое специализированное значение протослав., протобалт. KERP-, KIRP-/KURP- ‘*резать’ представлено разнообразными лексемами, обозначающими различные виды обуви (польск. *kierp*, *kierpiec* ‘кожаный башмак’, диал. *karpie* ‘башмак на деревянной подметке’, чеш. *krpec*, словц. *krpec*, словен. *kīpec* ‘мокасин’, позднеобщеслав. **kъrъpъ*, протослав. KURPI-; ср. др.-прусс. *kurpe* ‘башмаки’, лтш. *kuīpe* ‘башмак’, лит. *kūrpe* ‘башмак’) или продолжение обуви, словен. *karp*, *kīplja* ‘лыжа’, сербохорв. *kīplja* ‘снегоступы’, *kīplja* ‘лыжи’.

Значения этих возможных родственников протослав. KARPĀ-TA ‘белая куропатка’ заставляют вспомнить, что в отличие от остальных птиц умеренной лесной зоны, ноги белой куропатки полностью оперены. Относительно короткие плюсовые птицы “полностью покрыты перьями, более плотно зимой, чем летом”. Оперены и лапы, причем перья “гуще и длиннее зимой, облегчая хождение по снегу” [Cramp 1980: 405]. Audubon Society field guide, описывая “длинное, густое оперение ног, облегчающее хождение по снегу”, употребляет даже термин “snowshoes” (‘снегоступы’) [Udvardy 1977: 763 и сл.⁴⁷]. Именно эта физиологическая особенность белой куропатки отражена греческим словом λαῦπος (-πος), используемым ныне как научное название птицы, буквально ‘зайцелапая, т.е. мохноногая, как заяц’. В рамках этой гипотетической интерпретации протослав. KARPĀ-TA должно означать ‘птица в снегоступах’⁴⁸.

Известную сложность для такой интерпретации представляет тот факт, что все известные обувные термины используют нулевую степень корня, тогда как в названии птицы выступает ступень *o*. Необходимо также признать, что оба предложенных объяснения страдают от недостатка собственно славянской лексической поддержки. Кажется странным, на первый взгляд, что протослав. KARPĀ-TA, отражающее продуктивную словообразовательную модель, не может рассматриваться как мотивированное образование. Но следует учесть, что эта модель была продуктивна на протяжении тысячелетий и, хотя некоторые иллюстрирующие ее образования до сих пор сохраняют морфологическую прозрачность, это лишь потому так, что и сами

⁴⁷ Некоторым читателям внешность птицы может быть знакома по изображению *Lagopus l. scoticus* на этикетке виски *The Famous Grouse* (blended and bottled by Matthew Gloag and Son Ltd., Perth, Scotland).

⁴⁸ Некоторые комментарии относительно символики этих двух гипотетических значений предложены в разделе 5.5.

они (скажем, позднеслав. **ženatъ*, **volsatъ*), и слова, от которых они произведены (позднеслав. **žena*, **volsъ*), сохранили без изменения свои значения. Корень, представленный в протослав. KURP-Ā- 'лоскут, заплатка' и KURP-I- 'обувь', к которому мы возводим протослав. KARPĀ-TA- 'белая куропатка', сохранился в своем первоначальном значении в современных балтийских языках, ср. лтш. *cīpti* (*cēpu*, *cīpu*), лит. *kipti* (*kerpū*, *kirpai*) 'резать, отрезать' и производное лит. *karpā* 'отрезанный кусок ткани'. Но в славянском он испытал радикальные семантические изменения, как в составе глагола (протослав. KERP-/KIRP-, позднеслав. **čerpiti čerpati* 'черпать', так и в составе существительного: протослав. KERPA-, позднеслав. **čerpъ* 'черепок, глиняный горшок'; (ср. [ЭССЯ, 4: 70–74, 13.90]).

Если протослав. KARPĀ-TA- 'белая куропатка' содержит этот корень, что кажется вероятным, необходимо допустить, что данное образование возникло ранее семантического распада семьи слов, к которой оно принадлежало, когда было создано. Но именно такое предположение должно быть сделано и относительно лексем со значениями 'обувь' и 'лоскут', нулевой вокализм рефлексов которых (протослав., протобалт. KURP-) показывает, что лексикализованы они были еще до кодификации новой, продуктивной нулевой ступени корня в протослав., протобалт. KERP-, KIRP-. На этом фоне нет никаких оснований отказывать в столь же глубокой древности и описательному названию белой куропатки, протослав. KARPĀ-TA-, какое бы из гипотетических значений этой реконструкции ни было избрано⁴⁹.

3.4. Обобщение

В этом разделе было показано, что разнообразные формы, в которых представлено в славянском мире название (белой и серой) куропатки, не могут быть рефлексами традиционно постулируемого позднеслав. **kurorъty*. Вместе с тем допущение, что эта реконструируемая форма есть результат народной этимологии, и перенесение акцента на анализ не выводимых из нее реально засвидетельствованных форм, позволяют представить эти последние как отражающие разные стадии последовательной словообразовательно-морфологической эволюции.

В начале протослав. прилагательное KARPĀ-TA- /-TĀ- закрепилось в формах мужского и женского рода как обозначение соответственно самца и самки 'белой куропатки *Lagopus lagopus*'. Предположительным значением этого термина было 'птица в снегоступах', или, возможно, 'птица в заплатках'. Можно полагать, что белая куропатка воспринималась как разновидность куропатки и что это название характеризовало куропатку, отличая ее от ее родственника, рябчика. Возможно, что оно заменило более древнее, табуированное название куропатки, подобно тому как протослав., протобалт. ĒRB-, ĪRB- было заменено эвфемистическим иносказанием протослав. ERIMB-I-, RIMB-I 'птичка' во всем славянском (и протобалт. ERUMB-Ē-, RUMB-Ē- в части балтийского).

В части общеславянского ареала форма женского рода протослав. KARPĀ-TĀ- была обновлена при помощи продуктивного производного на -Ū-, что дало общеслав. **karpātū*.

В дальнейшем в южной части ареалов обеих форм, **karpātā*- и **karpātū*, эти два диалектных варианта были переосмыслены, по народной этимологии, как сложения, и гласный второй части слова заменен выступающим в родовом обозначении птицы,

⁴⁹ Лат. *cōturnix* 'перепел, куропатка' с виду может быть принято за производное от *cōturnus* (греч. *κόττορος*) 'греческий охотничий сапог, зашнуровывающийся спереди и закрывающий всю ногу' и может восходить к семантической параллели славянскому 'птица в снегоступах', с последующим переносом значения 'белая куропатка = перепел' (в румынском 'белая куропатка = серая куропатка'). В действительности, однако, латинское слово могло подвергнуться вторичному влиянию со стороны заимствованного греческого обувного термина, поскольку романские языки в целом предполагают исходное **cōturnix*, неясного, возможно, 'средиземноморского' происхождения (ср. [Ernout, Meillet 1959, s.v., Battisti, Alessio 1950–1957, s.v. *cōturnice*; Cioranescu 1958, s.v. *poftirniche*]).

общеслав. **put-ā-*, что дало общеслав. **kar-a-put-ā-* и **kar-a-put-ŭ-*. Можно предпологать, что причиной, по которой слово подверглось преобразованию по народной этимологии, были семантические изменения у других слов лексической семьи, к которой оно относилось, прежде всего изменение значения глагола протослав. KERP-TEĬ, KIRP-ĀM 'резать, стричь' > 'вычерпывать', оставившее без синхронной мотивации оба первоначально описательных термина, 'заплата' (протослав. KURP-Ā-) и 'обувь' (протослав. KURP-I-), и соответственно, также название птицы.

За редкими уникальными исключениями, вся совокупность современных форм термина может быть произведена от четырех региональных вариантов лексемы (см. схему 2) путем одних лишь регулярных фонетических изменений или путем фонетических изменений и дополнительной народной этимологии, заменившей первый, лишенный значения компонент сложения фонетически сходным протослав. KĀUR-A, позднеобщеслав. **kur-o-* 'курица'.

Эта вторая народная этимология, уподобившая название куропатки названию курицы, может быть датирована лишь весьма приблизительно. Если наблюдения, сделанные в разделе 3.3.2 относительно словен. диал. *kurnprat*, хотя бы отчасти справедливы, эта народная этимология должна была осуществиться в некоторых диалектах общеславянского в эпоху до метатезы сочетаний с плавными, т.е. приблизительно до 800 г. н.э., а возможно, даже раньше монофтонгизации дифтонгов ок. 500 г. н.э. Но в принципе это изменение могло произойти в любое время после введения у славян домашнего куроводства за несколько столетий до начала новой эры (ср. сноску 26).

Эта народная этимология является интересным и несколько ироническим свидетельством революционных изменений, произведенных в славянской культуре появлением домашней курицы. Введение домашнего куроводства резко сократило зависимость населения от диких птиц его естественной среды обитания, бывших на протяжении тысячелетий важным источником пищи. В результате такие птицы, как белая куропатка, которые до этого вполне могли быть, подобно рябчику, наделены символическим значением и таким образом интегрированы в человеческую культуру, скоро утратили свою культурную ценность. Использование названия недавно появившейся домашней курицы для прояснения ставшего затемненным названия 'белой куропатки' было лишь закономерным следствием этого отчуждения важного компонента древней славянской культуры.

Белая куропатка, некогда столь хорошо знакомая древнему славянину как неотъемлемая часть его лесной среды обитания и, вполне вероятно, как один из главных компонентов его весеннего рациона, если не источник ритуальных пасхальных яиц, была истолкована как 'куриная птица' (позднеобщеслав. **kuro-ptŭ* и т.д.) или даже 'куриное нечто' (позднеобщеслав. **kuro-pata* и т.д.) и таким образом обозначена терминами, которые с тем же основанием (или без основания) могли быть применены и другим птицам семейства куриных, что и случалось в дальнейшем по мере того, как куропатка, недавний пришелец в лесном окружении земледельцев железного века, шаг за шагом расширяла свой ареал к северу, распространяясь на культивируемых территориях прежней лесной зоны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р.И. 1968 – К истории чередований согласных при образовании уменьшительных в праславянском // Славянское языкознание. VI международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968.
- Аванесов Р.И. и др. 1988 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1: Животный мир. М., 1988.
- Афанасьев А.Н. 1865–1869 – Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 1–3. М., 1865–1869.
- Баран В.Д. и др. 1991 – Походження слов'ян. Київ, 1991.

- Василевич У.А. 1989 – Рабінавая ноч // Этнаграфія Беларусі. Эцыклапедыя. Мінск, 1989.
- Гамкрелідзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 1–2. Тбилиси, 1984.
- Даль В.И. 1989 (1902) – Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. 6-е изд. М., 1989.
- Долбик М.С. 1974 – Ландшафтная структура орнитофауны Белоруссии. Минск, 1974.
- Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. 1974 – Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
- Калинский И.П. 1877 (1990) – Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877.
- Кириков С.В. 1979 – Человек и природа восточнославянских летописей в X-начале XIX вв. М., 1979.
- Мельничук О.С. 1982 – Этимологічний словник української мови. Т. 1. Київ, 1982–.
- Подвысоцкий А. 1885 – Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.
- Радзивицкие А. 1987 – К вопросу о взаимосвязи между названиями деревьев и птиц в балтийских языках // Балтистика. № 23.
- Ремизов А. 1994 – Павлиным пером. СПб., 1994.
- Рыбаков Б.А. 1981 – Язычество древних славян. М., 1981.
- Соболевский А.И. 1891 – Из вновь открытого древнерусского поучения домонгольской эпохи // Живая старина. 1891. Вып. 4.
- СРЯ – Словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1957–1961.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина и П.Ф. Сороколетова. Т. 1–. М.; Л., 1965–.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1967.
- Топоров В.Н. 1982 – Петух // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
- Трубачев О.Н. 1963. – О праславянских лексических диалектизмах серболужицких языков // Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963.
- Трубачев О.Н. 1967 – Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. М., 1967.
- Черных П.Я. 1993 – Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1993.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков/Под ред. О.Н. Трубачева. Т. 1. 1974.
- Andersen H. 1986 – Protoslavic and Common Slavic: questions of periodization and terminology // *Slavic linguistics. poetics, cultural history. In honor of Henrik Birnbaum on his sixtieth birthday, 13 december 1985 (=International journal of Slavic linguistics and poetics. 31/32).* Columbus, Ohio. 1986.
- AHL – *The american heritage dictionary of the English language (3-th ed)/Ed. by A.H. Soukhanov et al.* Boston: N.Y.; L. 1992.
- Andersen H. 1996 – Reconstructing prehistoric dialects. Initial vowels in Slavic and Baltic. B., 1996.
- Anttila R. 1969 – Proto-Indo-European Schwebeablaut. Berkeley; Los Angeles, 1969.
- Battisti C., Alessio G. 1950–1957 – Dizionario etimologico italiano. J-V. Firenze, 1950–1957.
- Beekes R.S.P. 1995 – Comparative Indo-European linguistics. An introduction. Amsterdam, 1995.
- Bezljaj F. 1976 – Etimološki slovar slovenskega jezika. A-J. Ljubljana, 1976.
- Bezljaj F. 1982 – Etimološki slovar slovenskega jezika. K-O. Ljubljana, 1982.
- Brückner A. 1974 – Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1974.
- Buck C.D. 1949 – A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago: L., 1949.
- Cioranescu A. 1958 – Diccionario etimológico rumano. Tenerife, 1958.
- Cramp S. et al. 1980 – Handbook of the birds of Europe, the Middle East and North Africa. The birds of Western Palearctic. II. Hawks to bustards. Oxford, 1980.
- Cramp S. et al. 1988 – Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa. The birds of Western Palearctic. V. Tyrant flycatchers to thrushes. Oxford, 1988.
- Digard J.-P. 1990 – L'homme et les animaux domestiques. Anthropologie d'une passion. P., 1990.
- Endzelin J. 1923 – Lettische Grammatik. Heidelberg, 1923.
- Ernout A., Meillet A. 1967 – Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. P., 1967.
- Fraenkel E. 1962–1965 – Letausches etymologisches Wörterbuch. I–II. Heidelberg, 1962–1965.
- Frisk H. 1960–1973 – Griechisches etymologisches Wörterbuch. I–II (2-te Aufl.). Heidelberg, 1960–1973.
- Gattiker E., Gattiker L. 1989 – Die Vögel im Volksglauben. Eine volkskundliche Sammlung aus verschiedenen europäischen Ländern von der Antike bis heute. Wiesbaden, 1989.
- Hehn V. 1885 (1976) – Cultivated plants and domesticated animals in their migration from Asia to Europe: *Historico-linguistic studies / New edition prepared with a bio-bibliographical survey of Hehn and a survey of the research in Indo-European prehistory by James P. Mallory. (=Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. 7).* Amsterdam, 1976. (1-е англ. издание: *The wanderings of plants and animals from their first home.* L., 1885).
- Holzer G. 1989 – Entlehnungen aus einer bisher unbekannten indogermanischen Sprache im Urslavischen und Urbaltischen (=Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. 521). Wien, 1989.

- Hulten E. 1971 – Atlas över växternas utbredning i Norden. Fanerogamer och ormbunksväxter. Stockholm, 1971.
- Kay P., McDaniel Ch.K. 1978 – The linguistic significance of the meanings of basic color terms // *Language*. 1978. V. 54.
- Kluge F., Götze A. 1953 – *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache* (16-te Aufl.). Berlin, 1953.
- Lettenbauer W. 1981 – *Der Baumkult bei den Slaven. Vergleichende volkskundliche kultur- und religionsgeschichtliche Untersuchung* (=Selecta Slavica. 6). Neuried, 1981.
- Løppenthin B. 1967 – *Danske ynglefugle i fortid og nutid. Historiske og faunistiske undersøgelser over fuglenes indvandring, forekomst og livsvilkår i Danmark*. Odense, 1967.
- Machek V. 1954 – *Česká a slovenská jména rostlin*. Praha, 1954.
- Miklosich Fr. 1970 – *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Amsterdam, 1970 (Repr.: Vienna, 1886).
- Moszyński K. 1967 – *Kultura ludowa słowian*. T. II. *Kultura duchowa. Część 1* (2-e wyd.). Warszawa, 1967.
- NCE – Harris W., Levey J.S. (ed.) *The New Columbia encyclopedia*. N.Y.; L., 1975.
- Newall V. 1971 – *An egg at easter. A folklore study*. L., 1971.
- OED – *The compact edition of the Oxford English dictionary*. I–II. Oxford, 1971.
- Pokorny J. 1959–1969 – *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. I–II. Bern; München, 1959–1969.
- Popowska-Taborska H. 1984 – *Z dawnych podziałów Słowiańszczyzny. Słowiańska alternacja (j)e-: o-*. Wrocław, 1984.
- Rozwadowski J.M. 1915 – *Przyczynki do historycznej gramatyki języków słowiańskich* // *Roc. Slawistyczny*. T. 7. 1915. (=Reprinted in his "Wybor pism" / T. II. *Językoznawstwo indoeuropejskie*. Warszawa, 1961).
- Schrijver P. 1991 – *The reflexes of the Proto-Indo-European laryngeals in Latin*. Amsterdam; Atlanta, 1991.
- Schuster-Šewc H. 1987 – *Zu den ethnischen und linguistischen Grundlagen der westslavischen Stammesgruppe der Sorben/Serben* // *Studia nad etnogenezą Słowian i kulturą Europy wczesnośredniowiecznej*. I. Wrocław, 1987.
- Sheaghda N.N. (ed.) 1967 – *Tornigheacht Dhiarmada agus Ghrainne. The Pursuit of Diarmaid and Grainne*. Dublin, 1967.
- Shevelov G.Y. 1965 – *A Prehistory of Slavic. The historical Phonology of Common Slavic*. N.Y., 1965.
- Skok P. 1971–1974 – *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- Šmilauer V. 1970 – *Průručka slovanské toponomastiky / Handbuch der slawischen Toponomastik*. Praha, 1970.
- SP – *Słownik prasłowiański*. 1–. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–.
- Squire Ch. 1979 – *Celtic Myth and legend, poetry and romance*. N.Y., 1979.
- Udvardy M.D.F. 1977 – *The Audubon Society's Field Guide to North American Birds. Western Region*. N.Y., 1977.
- Vaillant A. 1958 – *Grammaire comparée des langues slaves*. T. II. *Morphologie. Première partie: Flexion nominale*. P.; Lyons, 1958.
- Vasmer M. 1953–1957 – *Russisches etymologisches Wörterbuch*. I–III. Heidelberg, 1953–1957.
- Vēliūš N. 1989 – *The world outlook of the ancient Balts*. Vilnius, 1989.
- Wajda-Adamczykowa L. 1989 – *Polskie nazwy drzew*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1989.
- Winter W. 1978 – *The distribution of short and long vowels in stems of the type Lith. èsti: vèsti: mèsti and OCS jasti: vesti: mesti in Baltic and Slavic languages* // *Recent developments in historical phonology* / Ed. J. Fisiak. The Hague; P.; N.Y., 1978.
- Yeatman L.J. 1971 – *Histoire des oiseaux d'Europe*. P.; Montreal, 1971.

Перевел с английского А.А. Гуннуис

(Продолжение следует)